



Александр Прозоров
Алексей Живой

ЛЕГИОН

Карфаген атакує

Легион

Александр Прозоров

Карфаген атакует

«Автор»

«Автор»

2007

Прозоров А. Д.

Карфаген атакует / А. Д. Прозоров — «Автор», «Автор»,
2007 — (Легион)

Не колеблясь, Ганнибал бросает свои войска в поход на Рим. Вторая Пуническая война началась. Федор Чайка и Леха Ларин, морские пехотинцы из России, занесенные в эту эпоху волею судьбы, отвоевывают себе место под солнцем в новом для них мире. Один среди солдат Карфагена, другой среди скифских воинов. Очувтившись после морского сражения с римскими кораблями на испанском берегу, морпех Карфагена Федор Чайка попадает в сухопутную армию Ганнибала и вместе с ней проходит весь грандиозный путь, полный опасностей, от Пиренеев до Альп. Спустя много месяцев, многотысячная армия воинов Карфагена вторгается на италийские земли и начинает свое победоносное шествие, перемалывая римские легионы на пути к столице враждебного государства. Ее ждут великие битвы, которые войдут в историю. Но Рим не намерен сдаваться.

© Прозоров А. Д., 2007

© Автор, 2007

© Автор, 2007

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	26
Глава пятая	33
Глава шестая	40
Глава седьмая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алексей Живой, Александр Прозоров Карфаген атакует
Алексей Живой, Александр Прозоров
Карфаген атакует

Часть первая
Путь Геракла

Глава первая
Новые друзья

Мощная волна саданула в борт, заставив судно накрениться, и попутно обдала лицо стоявшего у поручней морского пехотинца холодными брызгами, заставив его вздрогнуть. Флагманская квинкерема¹ «Удар молнии» слегка завалилась на бок, нырнув в яму меж двух больших волн, но быстро выровнялась, продолжая рассекать острым тараном беспокойное море у берегов Испании.

Федор Чайка оторвал взгляд от горизонта, на котором маячили римские суда, и перевел его на свой корабль. Ветер, наполняя прямоугольные паруса на мачтах, толкал квинкерему вперед. Кроме паруса, передняя мачта гордо несла на себе штандарт с изображением диска и полумесяца – символ Карфагена. На палубе, развернутые вполоборота в сторону врагов, стояли метательные машины. Корпус грандиозного корабля завершался массивной, но изящной кормой в виде загнутой вверх балки, напоминавшей морпеху хвост доисторического животного.

Квинкерема ходко шла под парусами, развивая скорость в несколько узлов. Порты для весел на всех пяти ярусах были надежно задраены кожаными пластырями, чтобы не набрать воды. Вдоль поручней, опоясавших весь корпус, виднелись закрепленные овальные щиты морских пехотинцев.

Гребцы, скрытые под палубой, отдыхали. Морпехи, готовые в любой момент вступить в бой, тоже. Хотя кое-кто бродил по палубе или, как Федор с двумя товарищами, располагался у ограждения, рассматривая потенциального противника. Корабли римлян шли параллельным курсом на приличном расстоянии от эскадры Карфагена.

Проводив одного из «римлян» взглядом, Федор Чайка поднял голову и прищурился на солнце, недавно миновавшее зенит. Неторопливо, с наслаждением, вдохнул полной грудью свежий ветер, гулявший над морскими волнами.

Уже третий день корабли карфагенян бороздили прибрежные воды Испании, следуя вдоль скалистых холмов и лишь изредка удаляясь в открытое море при появлении неприятеля в зоне видимости. Однако, римляне, маячившие на горизонте, пока не стремились ввязываться в открытый бой, ограничиваясь разведкой, не смотря на то, что превосходили морское охранение выступившей в поход армии Ганнибала, как минимум, вдвое.

На охранение возлагалась задача не подпускать римских разведчиков к берегу до тех пор, пока армия Ганнибала не углубиться в земли кельтов. Это была серьезная задача, учитывая тот факт, что небольшой флот состоял всего лишь из пятнадцати квинкерем и восьми триер.

¹ Квинкерема (Пентера) – (от латинских *quinque* – пять и *remus* – весло) – военный корабль, имевший, кроме парусов, пять рядов весел с каждого борта. Хотя исследователи расходятся во мнении по этому вопросу. Экипаж: 300 моряков и гребцов плюс 120 пехотинцев (по некоторым данным пехотинцев тоже было до 300 человек). Скорость – 3-4 узла. Вооружение: таран и метательные машины. Согласно принятой классификации античных гребных кораблей по количеству рядов весел Квинкерема (пентера) – имеет пять рядов, Квадрирема – четыре, Трирема (триера) – три, а Бирема – два.

Их сопровождали еще три небольших суденышка, быстроходные биремы, предназначенные не столько для боя, сколько для организации связи между соединениями.

Конечно, они представляли не весь карфагенский флот, дюжина квадрирем и почти столько же триер оставались в Новом Карфагене для защиты штаба испанской армии, которой в отсутствие самого Ганнибала командовал его брат по имени Гасдрубал. Ожидались и подкрепления из столицы, где спешно достраивался новый флот. Но пока, к большому огорчению моряков, былая слава властелина морей все еще ускользала от Карфагена. Сейчас в западном средиземноморье хозяйничали римляне, имевшие неоспоримо больше кораблей. Но, несмотря на это, они давно не рисковали вступать в открытые столкновения с более маневренными кораблями финикийцев, имевшими на борту хорошо обученные экипажи и опытных морпехов.

Да и повода пока не находилось – о том, что Ганнибал двинул свои войска на восток, сенаторы в Риме наверняка еще не знали, прошло слишком мало времени с момента падения Сагунта. Даже если в войске или поблизости от него находились римские шпионы – а римляне повсюду имели своих шпионов – то еще нужно было передать эту информацию в столицу, а потом дожидаться приказа из Рима. А без приказа сената ни один римлянин не мог вступить в войну. Субординация прежде всего. Эти порядки Федор успел хорошо изучить за несколько месяцев, проведенных по воле случая на римской службе, в морской пехоте Тарента. Туда его занесло после крушения во время шторма финикийского судна, шедшего из далекого Крыма.

Многочисленная армия Ганнибала, в отличие от римских вооруженных сил, уже имела приказ своего сената перейти в наступление, и четвертый день продвигалась в глубине прибрежной территории, скрываясь за скалами и стараясь выиграть время. Римляне не могли видеть ее с моря. А флот карфагенян должен был до последнего момента оставлять морскую разведку римлян в неведении.

Так, во всяком случае, новоиспеченному морпеху Карфагена объяснил Софоникс, командир его спейры, аналога римской манипулы. В отличие от немногословного Гнея Атилия, занимавшегося воспитанием Федора в римском мире, местный «центурион» не гнушался разговорами по душам со своими подчиненными, тем более, что здесь во флоте служили только состоятельные граждане Карфагена и наемники из далеких земель. Многие знатного происхождения.

Впрочем, до панибратства не доходило. Софоникс держал всех морпехов в узде. И знатных, и не знатных. Он вообще показался Федору достаточно профессиональным командиром, четко определявшим, когда солдата нужно гнуть к ногтю, а когда поговорить с ним по душам, расположив к себе. Федор, похоже, не показался ему слишком глупым, а потому за неполные две недели службы отношения со своим командиром у морпеха сложились вполне нормальные.

Хотя до конца всех тонкостей Федор еще не изучил. Он не знал, например, как тут обстоит дело с подношениями и откупам от трудных работ, о которых постоянно приходилось думать на службе у римлян. Но до сих пор с него здесь никто не пытался «вытрясти» денег сверх меры, если не считать покупки обмундирования за свой счет.

От службы Федор не отлынивал, несмотря на то, что деньги у него теперь водились. Один тугой кошелек, наполненный мелкими серебряными монетами с чеканным изображением пегаса, хранился у казначея корабля в специальном крепком ящике, обитом железными листами. А второй кошелек с золотыми монетами, на которых красовался вездесущий слон и профиль Ганнибала, – у главного казначея, в Новом Карфагене. Там, где находилась походная казна всей испанской армии. Под охраной кельтов и африканцев брата вождя Гасдрубала.

Копать траншеи морпеха пока никто не заставлял. Лагерь ставить тоже – до выхода в море они обитали во вместительных и по-походному комфортных бараках уже отстроенного лагеря на побережье недалеко от Сагунта. Этот испанский город, чьи жители выразили желание перейти на сторону римлян, был недавно сожжен Ганнибалом. Прочие же «прелести» походной

жизни – тренировки, марш-броски по прибрежным скалам, отработка abordaja и битвы на мечах – являлось нормальной службой, уже вполне привычной для Федора после прохождения «курса молодого бойца» в составе четвертого легиона Тарента, морского союзника Рима, где он пребывал несколько последних месяцев, пока не сбежал и не оказался по воле судьбы здесь, среди солдат Карфагена.

За время своей недолгой службы Федор уже сошелся с двумя солдатами-финикийцами. Оба сейчас стояли рядом с Федором, наблюдая за морем. Сам Чайка, как и его друзья, был облачен в кожаный панцирь темно-синего цвета с нашитыми поверх него металлическими пластинами. Верхнюю часть бедер защищало подобие юбки из кожаных ремней, а ступни уютно устроились в сандалиях на очень толстой подошве. Федор мог спокойно наступить на металлический гвоздь, не беспокоясь о том, что повредит стопу.

Вооружение морпехов состояло из короткого меча и крепкого овального щита синего цвета с железным умбоном. Имелся также и дротик для метания, находившийся сейчас в арсенале под верхней палубой. Щит же крепился на поручне в десяти шагах от мирно беседовавших приятелей. Каждый морпех на квинкереме «Удар молнии» знал, где висит его щит, и в случае внезапной атаки мог подхватить его одним заученным движением. Софоникс всего за неделю выдрессировал своих солдат так, что любой мог отыскать свое вооружение с закрытыми глазами.

Один из стоявших рядом финикийцев, такой же новобранец, как и Федор, был сыном купца средней руки и происходил родом из соседнего с Карфагеном богатого города Керкуана. Его отец в последние годы занимался поставкой для армии Карфагена коней из жаркой Нумидии и нажил на этом неплохие барыши. Он хотел, чтобы сын продолжил его дело, но парня потянуло на романтику армейской службы. Сказались гены. Ведь и его отец, и его дед перед тем, как осесть на берегу, всю свою молодость провели на кораблях купцов-мореплавателей, проникавших в неведомое. Туда, откуда возвращались далеко не все. И когда в Керкуане вновь стали раздаваться голоса вербовщиков, он долго не раздумывал.

Звали парня Урбал. На вид он был чуть старше Федора, лет двадцати пяти. Невысокий, широкий в плечах. Черноволосый, как все финикийцы, с узким лицом. Знал толк в лошадях и торговле, но совсем не походил на человека, думающего только о барышах. Урбал, как выяснилось, много читал и знал о путешествиях своих предков. Из-за любви к чтению, обнаружившейся совершенно случайно, они и сошлись.

У них с Федором всегда находились темы для разговора. От него любознательный Чайка, бывший сержант морской пехоты России, по воле рока перенесшийся в этот мир из двадцать первого века вместе со своим сослуживцем Лехой Лариным, многое узнал о тех временах, что предшествовали его появлению. Сын торговца конями из Керкуана, как выяснилось, успевал не только торговать, часто выезжая вместе с отцом в соседнюю Нумидию, но и проводить дни напролет в библиотеках, коих здесь существовало достаточно. Как в самом Керкуане, так и в столице.

– Слушай, Урбал, – спросил его как-то раз Федор, когда они, закончив тяжелейший марш-бросок и сложив на теплые камни оружие, с разрешения Софоникса переводили дух на скалистом берегу, разглядывая спокойную гладь моря, – у вас ведь много было всяких мореплавателей, расскажи о ком-нибудь из великих.

Урбал, как и все солдаты спейры, знал, что Федор не местный, а прибыл из далеких северных земель, поэтому его слова «у вас» не вызвали особого удивления. Хотя Федор недавно сам стал гражданином Карфагена.

– Да, ты прав Чайка, – ответил Урбал, произнося имя Федора немного нараспев. Но здесь все так делали, и морпех уже привык, – наши предки совершили множество экспедиций. Гимилькон во время одного из плаваний добрался до Бретани и даже побывал в землях север-

ных кельтов. Но, возможно, самое великое свершение – это путешествие Ганнона Мореплавателя к берегам Западной Африки.

– Расскажи, – попросил Федор, оглядываясь на Софоникса, совсем не торопившегося прервать затянувшийся отдых морпехов и наслаждавшегося безмятежностью моря в одиночестве, – я интересуюсь.

И сын торговца конями с удовольствием начал свое повествование. Он по праву считался здесь лучшим рассказчиком. Поэтому, заслышав его голос, поближе подтянулись еще несколько бойцов, желавших послушать о славных путешествиях предков.

– Однажды Ганнон Мореплатель решил узнать, что находится за пределами Мелькартовых столбов² и раздвинуть еще шире границы Карфагена.

Сделав такое заявление, Урбал замолчал, оглядывая собравшихся вокруг него морских пехотинцев. Все, затаив дыхание, слушали, ожидая, что будет дальше.

– Нашлось немало купцов желавших вместе с ним совершить это плавание и посмотреть на неизвестные земли, – продолжил Урбал. – На его зов откликнулось почти тридцать тысяч человек. Они принесли жертву Баал-Хамону, погрузились на шестьдесят квинкерем и отправились в дальний путь.

– И что с ними случилось? – спросил один из солдат.

– Оставив Мелькартовы столбы позади, они повернули на юг и долго плыли вдоль побережья, исследуя новые земли, – ответил Урбал. – Эти места так поражали путешественников своим великолепием, что многие сходили на берег, чтобы основать там новое поселение.

– А что, – уточнил Федор, – африканские аборигены, то есть местные жители, всегда встречали их мирно? Хлеб-соль, баня, блины с икрой и все такое?

– Я тебя не совсем понял, – поразмыслив немного над словами странного сослуживца, заявил Урбал. – Ведь они пришли торговать, а этот язык понимают все.

– И никто не выступал против поселенцев? – не унимался Федор.

– Карфагеняне умеют договариваться, – улыбнулся Урбал, но справедливости ради добавил. – Конечно, не все местные жители оказались мирными. Иногда происходили стычки. Но ведь финикийцы приплыли на квинкеремах, а эти корабли умеют не только волны рассекать, ты же сам знаешь.

– Знаю, – согласился Федор, вспомнив о метательных машинах, установленных на палубе. – Если надо они в состоянии утихомирить любого нерадушного аборигена. Торговля – дело тонкое.

– Ганнон Мореплатель провел в этом путешествии несколько лет, – продолжал Урбал, – и доплыл до большого залива с огромным островом в самом сердце жаркого континента.

Федор не удержался, попросив Урбала нарисовать ему примерную карту этого пути. Урбал не заставил себя долго ждать – он являлся большим знатоком карт. Вынув кинжал из ножен, новобранец начертил на сухой земле между камнями довольно точные контуры Африки, поставив крестик где-то в районе знакомого Федору из прошлой жизни Камеруна. Получалось, что купцы действительно обогнули половину черного континента, основав там массу городов и населив их финикийцами.

– Нормально сплавали, – подтвердил Федор, отрываясь от рисунка на земле.

Урбал справедливо считал, что память о таких великих людях, как Ганнон Мореплатель, переживет века. Федор не спорил, ему даже кое-что припомнилось из прочитанных в прошлой жизни стихов Гумилева, поминавшего добрым словом одного из финикийских мореплателей. Возможно, того самого.

– Это ты о каком Ганноне рассказываешь? – вмешался в разговор Федора и Урбала сидевший рядом здоровяк, который, воспользовавшись минуткой отдыха, чистил свои кинжалы и

² Гибралтарский пролив.

краем уха слушал рассказ. Кинжалов было целых три, и этот морпех, казалось, с ними никогда не расставался.

– Это не он сначала всыпал мавританцам, а потом решил сэкономить на жаловании наемников и недоплатил им? – поинтересовался здоровяк. – Наемники – народ горячий. Это ты сам знаешь. Им, попробуй, недоплати. Не долго думая, взялись за оружие, пожгли полстраны и даже осадили Карфаген.

Высказавшись, здоровяк, наконец, оторвался от чистки кинжалов и посмотрел прямо в глаза Урбалу, добавив для солидности:

– Хотя это и случилось двадцать лет назад, у нас в Утике об этом еще помнят.

– Нет, – отрицательно мотнул головой Урбал. – Тот Ганнон, что был великим мореплавателем, давно умер. А этот, – Урбал осмотрелся по сторонам и произнес, понизив голос, – осел, да накажет его Баал-Хамон, еще жив. Он сенатор, богат и процветает. Хотя по всему видно, что упрям и глуп. Говорят, этот Ганнон раньше ненавидел Гамилькара Барка, отца Ганнибала. А с тех пор, как тот погиб, ненавидит нашего вождя и вообще все его семейство.

– А мне плевать, кого он там ненавидит, этот Ганнон, – заявил воин, рассматривая лезвие блестящего на солнце кинжала. – Ганнибал отличный вождь, он победил многих, солдаты ему верят, и я тоже пойду за ним до конца. Что бы там ни мучил этот Ганнон, который не мореплаватель.

Федор уже привык к тому, что местная знать не баловала своих подданных обилием имен. Впрочем, как и римская. А потому люди здесь различались в основном по прозвищам, дававшимся им друзьями или недругами за какую-либо черту характера или внешности. Барка, например, на финикийском означало «Молния». Из множества известных Федору римлян, включая уже умерших и еще не народившихся, – он когда-то узнал о них из книг, прочитанных еще в прошлой жизни, – морпех, прежде всего припомнил Цицерона, прозвище которого в переводе означало «Горох». Сенатор Катон звался так, потому что слыл «Ловким», ну а Брут вообще означало «Туповатый». Не очень лестная кличка, но правдивая. «Так что ты не прав, «кислый помидор»», – вспомнился Федору анекдот из прежней жизни, уже подернутой пеленой забвения и давно казавшейся ему сном.

Солдата, что прибыл во флот из соседней с Карфагеном Утики и не разбирался в запутанной истории с Ганнонами, звали Летис. Этот здоровенный и слегка грубоватый парень вымахал почти на голову выше Федора. Летис был третьим сыном богатого ремесленника, владельца гончарной мастерской, тоже не захотевшим просиживать штаны в лавке отца. Вместо этого он решил попытать счастья на военной службе. Благо его старшие братья не отходили от гончарного круга и постоянно подменяли в лавке главу семьи.

В отличие от Урбала морпех Летис читать особенно не любил, зато не расставался с мечом, а в свободное время тренировался метать кинжалы. Делал он это, надо сказать, превосходно. С вдохновением. Даже Федор, прошедший школу российской морской пехоты, был удивлен, увидев впервые, как это делает простой гончар из Утики, только вчера попавший во флот. Его профессиональная гордость оказалась уязвлена.

Однажды, с разрешения Софоникса, они решили повеселить сослуживцев и устроили состязания прямо на палубе плывущего корабля, метая кинжалы в нарисованную мишень на раскачивавшейся мачте с расстояния в двадцать шагов. Победил к удивлению экс-сержанта, уверенного в своем превосходстве, здоровяк Летис.

Техники ему, на взгляд Федора, не хватало, но крепыш компенсировал ее скоростью и убийственной точностью броска. Его рука разгибалась за долю секунды и выбрасывала пружинящим движением довольно тяжелый клинок точно в цель. Изящества японских ниндзя Летису, конечно, не доставало. Но для того, кому брошенный кинжал вопьется в шею быстрее, чем тот успеет схватиться за оружие, это роли не играло. Раз – и ты уже в царстве мертвых. Переживать больше не о чем.

Отсчитав под общий хохот победителю пару мелких серебряных монет с изображением пегаса, Федор немного поговорил с ним о жизни, познакомился. В общем, с Летисом они сошлись на почве любви к оружию и спортивным тренировкам.

И Летис, и Урбал слыли людьми не бедными, но, выяснив, по чьей протекции Федор попал во флот, стали уважать его в два раза сильнее. Хотя Летис сначала сомневался, о каком именно Магоне идет речь, но Урбал доходчиво объяснил ему, что как раз о том самом сенаторе, одном из совета судий, или, как его называли в народе «совета ста четырех». Именно этому совету, а не сенату и не народному собранию, на деле принадлежала вся власть в обширной республике финикийцев.

Узнав об этом, Федор испытал странное чувство. До сих пор он считал, что Магон – богатый купец и сенатор, но понятия не имел, насколько высокого полета птицу ему удалось спасти от стрел грозных скифов. За такой поступок его могли бы сразу сделать генералом или хотя бы начальником морских пехотинцев.

Но, поразмыслив о своей судьбе в свете новых знаний, Федор решил, что все случилось правильно. Магон не назначил его генералом, хотя являлся одним из тех, кто выбирал главнокомандующего армией Карфагена. Сенатор Магон не первый год находился у высшей власти, безусловно зная все ее нюансы, и неплохо разбирался в людях. Иначе и быть не могло. Он наверняка рассуждал так: Федор, конечно, молодец, но еще слишком молод и не знает местной жизни. Ведь беглый римский морпех пробыл в Карфагене немногим более месяца. Ему еще только предстояло показать себя, а для этого совсем неплохо изучить жизнь республики с самых низов. Например, начиная с места рядового солдата.

Впрочем, Федору Чайке было грех жаловаться. Его ведь не предали, не обманули и не продали рабство, когда он под видом римского гражданина прибыл во враждебный Риму Карфаген, где его считали утонувшим. Но сенатор добро помнил. А службу в армии Федор выбрал сам, после долгих раздумий. Его никто не принуждал. Да и служить пошел туда уже не безродным иностранцем, а полноправным гражданином Карфагена. И не бедным, надо заметить, гражданином.

За свое спасение Магон подарил ему обставленный мебелью дом в огромном предместье столицы под названием Мегара. Дом, по меркам местных богачей, был небольшим – всего лишь трехэтажным, окруженным садом строением. Вокруг жили купцы среднего достатка и знатные воины. К дому также прилагались три смуглолицых охранника, исполнявших роль слуг, одна кухарка и нумидийская рабыня для развлечений.

Кроме своего дома в Карфагене Федору отошло небольшое деревенское имение, где, кроме многочисленных огородов, росли пятнадцать плодоносящих оливковых деревьев. Обрабатывали все это сельское хозяйство десять рабов под надзором управляющего, подобранного ему Акиром, приказчиком и правой рукой Магона.

Так что, рядовой морпех карфагенского флота Федор Чайка, конечно, еще не стал генералом, но уже являлся законным владельцем дома, имения и массы людей. Проще говоря, рабовладельцем. И это, не считая кошелька с золотом на прощанье. Как относиться ко всему свалившемуся на него, словно с неба, богатству, Федор еще так до конца и не осознал. А насчет карьеры тоже сильно не беспокоился – даже после всех этих подарков путь в дом сенатора ему не был заказан.

Скоро ветер на море начал стихать.

– Смотрите, – заметил вдруг Урбал, отрывая стоявшего рядом Федора от приятных воспоминаний, – римляне поворачивают к берегу. Неужели что-то заметили?

Федор повернул голову сначала в сторону приближавшейся римской эскадры, а затем, прищурившись, посмотрел на берег, мимоходом пожалев, что когда-то продал свой, случайно захваченный из «старого мира» бинокль Магону. Правда, за десять золотых «слонов». Но и без бинокля он увидел, что на одном из горных перевалов, находящихся у самого берега, блестят

доспехи, и солнце играет на копьях солдат армии Ганнибала, золотой змейкой перетекавших из одной долины в другую. Похоже, римлян тоже заинтересовали эти блики, и они решились приблизиться к берегу, рискуя нарушить шаткое перемирие.

Морпехи, заметив перестроения врага, загомонили. Но тотчас над палубой разнесся звук горна, означавший боевую готовность.

– Пехотинцы! – крикнул Софоникс. – Римляне приближаются. Разобрать оружие и щиты! Построиться по спейрам вдоль бортов!

Огромный военный корабль ожил и стал готовиться к битве. По палубе зашуршали кожаные подошвы башмаков. Прислуга баллист зарядила орудия каменными ядрами. Расстояние между кораблями финикийцев и римской эскадрой постепенно сокращалось.

Глава вторая У берегов Испании

Судя по маневрам, римляне вознамерились подойти к самому берегу, во что бы то ни стало. А может быть, и высадить десант, чтобы попытаться остановить продвижение армии финикийцев. Они отлично понимали, что в этом случае боя не избежать, но больше и не стремились к этому. Римляне на ходу перестроились в две линии, первая из которых состояла из десяти квинкерем. А вторая, насколько мог рассмотреть Федор со своего места в ряду морпехов у борта, примерно из двадцати. И это, не считая еще дюжины триер, маячивших отдельной группой на левом фланге.

Римляне почти вдвое превосходили противника. Тем не менее, флотоводец Адонисл, командовавший морским охранением карфагенян, решил дать бой. Десять его квинкерем, развернувшись в линию, устремились навстречу римлянам. Остальные пять массивных кораблей и восемь быстроходных триер сформировали вторую линию, которой отводилась роль резерва. Флагманский корабль «Удар молнии» с Адонислом на борту тоже находился среди них. Но Федор был уверен, что резерв долго не останется без дела – слишком не равны силы. Связные биремы, лишившись одной, немедленно отправленной Адонислом с сообщением к берегу, тоже шли рядом.

Тем временем ветер почти стих, а корабли первых линий начали сближение. И тотчас с ними, прямо на глазах Федора, начали происходить метаморфозы. Исчезли сначала паруса, а затем и обе мачты, снятые проворными матросами и аккуратно уложенные на палубе. После этого все квинкеремы карфагенян разом уменьшились в размерах почти вдвое, и Чайка увидел, как вдоль бортов забегали моряки, накидывая на ограждения шкуры, словно развешивая белье. По палубе, между метательных орудий, они тоже разбросали немало таких шкур, обильно полив все это забортной водой.

– А это еще зачем? – удивился Федор и подтолкнул стоявшего рядом Урбала.

За время службы Риму, о которой его новые соратники ничего не ведали, он ни разу не видел ничего подобного. Как убираются съемные мачты, видел – так всегда делали перед боем, когда использовались только весла. Но вот прием карфагенян с мокрыми шкурами оказался для него в новинку.

– Защищаются от горшков с зажигательной смесью, – пояснил всезнающий Урбал.

Затем послышались звуки горнов и свистки, означавшие, что в дело вступают гребцы. Тотчас в бортах открылись порты, и в воду погрузились длинные весла, окрашенные в черный цвет. Все пять рядов, включая нижний. Римляне также перевели свои корабли на гребной ход.

– Ну, сейчас мы им покажем, – заявил Летис, в нетерпении сжимая меч. Он тоже стоял рядом с Чайкой. – Наши корабли быстроходнее. И маневрируют лучше.

– Это так, – кивнул Федор, – но их больше.

Морпех, внимательно вглядывавшийся в корабли римлян, рассмотрел среди квинкерем противника большое количество судов с «воронами» на носу – абордажными мостиками, увенчанными острым крюком. Он не знал, приходилось ли карфагенянам испытывать на себе это «секретное оружие» римлян, и знакомы ли с ним местные капитаны. Оказалось, хорошо знакомы. И довольно давно. Федор осмелился задать этот вопрос находившемуся поблизости Софониксу, указав рукой на массивные сооружения, венчавшие носы римских квинкерем.

– Видели, – ничуть не обиделся Софоникс на проявленную подчиненным бдительность, – опасная штука. Немало наших кораблей римляне с ее помощью в прошлой войне потопили. Но ничего, у нас теперь тоже есть кое-что в запасе.

Тем временем первые линии эскадр, подойдя на расстояние выстрела баллисты, начали артиллерийскую дуэль. Послышались звуки горнов, и с обеих сторон в небо взметнулись

десятки ядер. Большинство из них цели достигли. Это Федор понял по грохоту проламываемых досок и воплям, доносившимся даже сюда. Вторую линию карфагенян отделяло от первой всего метров триста. Несколько солдат с борта ближайшей к ним квинкеремы упало за борт. Тут же вторая волна ядер накрыла корабли. А потом и третья.

Бой разгорался. Прислуга баллист – баллистарии, как их называли римляне, – на нескольких кораблях сменили боеприпасы и в небо взметнулись огненные шары. Оставив за собой в небе черный дымовой след, горшки посыпались на палубы кораблей. Но римляне горели «охотнее», чем суда карфагенян. Видно, мокрые шкуры неплохо выполняли свою задачу.

Спустя двадцать минут обстрела зажигательными снарядами, три квинкеремы из первой линии римлян запыхали, словно подожженные бензовозы, и попытались выйти из боя. Один объятый пламенем корабль, на полном ходу даже протаранил соседнюю квинкерему. Раздался страшный треск, когда его ростр³ пробил ее борт ниже ватерлинии, обломав заодно и все весла. В довершение закрепленный вертикально на специальных приспособлениях абордажный мостик, тоже объятый пламенем, от удара сорвался и рухнул на палубу второго корабля, намертво связав оба судна. Потеряв ход, римляне так и остались дрейфовать сцепленные вместе. А скоро пожар перекинулся с пылающего корабля на соседний. По его палубе замельтешили обезумевшие матросы, отчаянно пытаясь потушить разбушевавшийся огонь, но время оказалось упущено. Многие прыгали в воду и плыли назад к римским кораблям.

– Ты это видел! – толкнул Летис в бок Федора. – А ты говорил – «их больше»! Сейчас мы их всех отправим в царство мертвых.

Мастерства финикийцам, действительно, было не занимать. Еще не достигнув строя римлян, они сумели нанести противнику значительный урон. Пять кораблей первой линии получили повреждения. Строй атакующих смешался. Карфагеняне же потеряли пока лишь одну квинкерему, чья команда увела ее в сторону, пытаясь бороться с пламенем. Остальные, хоть и испытали на себе обстрел ядрами баллист и горшками с зажигательной смесью, получили незначительный урон. Они продолжали бой и скоро, прекратив обстрел, сошлись с противником для абордажного боя.

Так думал Федор, но, вероятно, не капитаны карфагенских квинкерем, стремившихся уничтожить противника без помощи морской пехоты. Они прекрасно знали о неплохой подготовке римских солдат и не желали предоставлять им возможность выиграть бой на море за счет сил абордажных команд, хотя сами несли на борту достаточно умелых бойцов. Рукопашную схватку, в отличие от римлян, они рассматривали как последнее средство, ведь у них имелись и другие. И когда метательные орудия сделали свое дело, и карфагеняне получили тактическое превосходство над первой линией противника, они прибегли к излюбленной тактике проплыва и тарана.

Сразу две квинкеремы с разных сторон ринулись навстречу одной римской, оторвавшейся от своего смятого строя. И хотя римляне отлично видели атаку, они до последнего момента не знали, как среагировать, ведь их атаковало сразу два корабля. Разогнавшись до большой скорости, обе квинкеремы подошли под углом к римскому судну – на мгновение Федору даже показалось, что они идут к разным кораблям – совершили молниеносный поворот и, убрав весла, прошлись в нескольких метрах от борта ошарашенных римлян. Капитан атакующего корабля, видимо, ожидал таранного удара, но его не последовало. Зато он потерял все весла, разлетевшиеся в щепки, и опоздал с применением «ворона». Незадолго до того, как его хищный крюк устремился вниз, карфагенская квинкерема, немного отклонилась в сторону и успела уйти на приличное расстояние. Этого хватило – «ворон» лишь царапнул по борту, обрушив часть ограждения, но больших разрушений не причинил и, более того, сам рухнул в воду, вырвав часть собственной палубы.

³ Таран.

– Ты гляди! – не унимался Летис. – Вот молодцы! Ну, теперь ему конец.

Римский корабль, действительно, ждала незавидная участь. Лишенный хода и абордажного мостика он стал легкой добычей третьей карфагенской квинкеремы, вспарывавшей волны следом за первыми. Сделав изящный поворот, она протаранила его высокий борт, несмотря на яростный обстрел из римских баллист. Но это был жест отчаяния. В момент контакта раздался страшный треск, и уже израненное судно окончательно потеряло шансы на спасение. После того, как карфагеняне дали «задний ход», расцепившись со своей жертвой, и римская квинкерема сползла с тарана, в открывшуюся пробоину хлынула вода. Корабль быстро накренился на бок, и все, кто находился на палубе и кто еще не упал за борт, посыпались в море вместе с метательными орудиями.

Но в сотне метров от этой схватки римлянам удалось все же зацепить «воронами» два корабля противника, на которые тотчас же ринулась морская пехота. Там завязался ожесточенный абордажный бой. С обеих сторон до последнего момента в упор «работали» баллисты, пока еще не захваченные неприятелем, превращая солдат атакующей стороны в кровавое месиво. Но у римлян была еще и башня, с которой они вели огонь из стрелометов по бойцам противника. На одном из кораблей озлобленные разгромом первой линии римляне скоро взяли верх. Но вот наблюдая за другой схваткой, Федор увидел еще один поразивший его маневр.

К сцепленным с помощью «ворона» кораблям, где шла кровавая бойня, приблизилась карфагенская квинкерема. Еще до ее подхода морпехам финикийцев удалось изгнать неприятеля со своей палубы и почти разрубить абордажный мостик. Второй корабль на большой скорости скользнул мимо римлян со свободного борта и на ходу с кормы зацепил его длинной балкой с большим крюком. Балка сверкнула на солнце матовым боком, и Федору показалось, что она вся состоит из металла. Благодаря быстроте перемещения карфагенянам удалось оторвать борт нападающих от борта своих соратников и сдвинуть с места римский корабль с изумленным экипажем, оттащив его на свободную воду. Чем тут же воспользовалась еще одна финикийская квинкерема, сходу протаранившая борт вражеского судна, всего пять минут назад предвкушавшего победу.

Наблюдая за очередным унижением воинов Рима, Федор посмотрел на Софоникса – тот довольно улыбался. «Видимо, это и есть тот секретный маневр, – подумал Федор. – Похоже, финикийцы держали его про запас для того, чтобы нейтрализовать абордажные мостики противника. Хитро⁴. Ему понравились слаженные действия моряков, превративших атаку гордых римлян в неожиданный и полный разгром их первой линии.

Но после вскружившего голову успеха наступило протрезвление от хмеля легкой победы. Разметав напавшие на них корабли, карфагеняне, словно вырвавшиеся на простор морские хищники, настолько увлеклись атакой, что позабыли об осторожности. Пока они вели бой с первой линией противника, корабли находившейся за ней второй, вдвое превышавшие по численности зачинщиков, раздвинули фронт и почти охватили финикийцев полукольцом. И теперь вся эскадра Адонисла находилась под угрозой окружения.

С левого фланга к ним спешила быстроходная флотилия римских триер. Справа заходили многочисленные квинкеремы противника. Еще немного, и они могли полностью замкнуть кольцо. Флотоходец отреагировал так быстро, насколько это представлялось возможным в возникшей ситуации. Сначала он отослал оставшиеся суда связи по двум разным маршрутам. Одно снова ушло к берегу, где виднелись аванпосты армии Ганнибала, уже не таившиеся и наблюдавшие за схваткой с римскими кораблями. А другое на большой скорости заскользило вдоль берега на юг, в сторону Сагунта и Нового Карфагена, неся весть о случившемся. Бой еще не был проигран, квинкеремы финикийцев еще в азарте добивали разрозненного противника в центре, но ситуация менялась с каждой минутой.

⁴ На самом деле, этот маневр карфагеняне изобрели только к концу второй пунической войны.

– Кораблям первой линии отойти к берегу! – приказал Адонисл, и тотчас над водой разнесся пронзительный рев горна.

Получив сигнал, пять целехоньких квинкерем финикийцев, сделав быстрый разворот, устремились ко второй линии своих кораблей, за которой виднелся недалекая полоска прибоа. Им вслед полетели ядра и горшки с зажигательной смесью. Один из кораблей загорелся, потерял ход и скоро был протаранен настигшей его квинкеремой противника. Другие римские суда отсекли увлекшиеся атакой корабли финикийцев от второй линии. Поняв, что уйти без схватки не удастся, те приняли бой, вспыхнувший с новой силой.

– Атаковать флотилию триер противника! – отдал новый приказ Адонисл.

И все восемь карфагенских триер устремились навстречу римлянам. Трём квинкеремам из второй линии Адонисл приказал атаковать самый край правого фланга. А сам, вместе с оставшейся квинкеремой, решил отойти ближе к берегу и напасть на прорвавшие левый фланг корабли. Римляне явно собирались высадить десант и рвались к галечной отмели. Они успешно связали на втором этапе боя почти все суда неприятеля, заманив их в ловушку. И, похоже, решив, что их участь predetermined, не обращая больше внимания на оставшийся финикийский флот, устремились к берегу.

– Не успеем, – спокойно и как-то даже отстраненно заметил вслух Федор, наблюдая, как пять римских квинкерем, обойдя зону схватки триер, отрезают их от берега. Но Картал, капитан квинкеремы «Удар молнии», и не помышлял о бегстве. Напротив, повинуясь приказу находившегося здесь же командующего, он направил таран своей квинкеремы на корпус ближайшего римского судна. То же самое сделал и капитан второй квинкеремы.

Берег приближался, но римляне оказались проворнее. Морпехи Карфагена буравили недобрыми взглядами корабли противника, на палубах которых уже можно было рассмотреть легионеров. Заметив атаку сзади, две ближайшие квинкеремы римлян стали совершать маневр отсечения финикийцев, чтобы оставшиеся корабли спокойно достигли берега, но делали это не слишком быстро. «Удар молнии» настиг одну из них раньше, чем та успела полностью развернуться, и врезался в ее кормовую часть.

Корабль, мчавшийся на всех веслах, вдруг резко остановился на месте. От столкновения двух массивных корпусов многие морпехи Карфагена пошатнулись, а некоторые даже попали на палубу. Федор, к счастью, удержался, схватившись за ограждение. Зато римляне десятками посыпались в море с палубы своего корабля.

Удар достиг цели. Тупое острие тарана проделало огромную пробоину в борту римской квинкеремы. Раздался свисток для гребцов, и «Удар молнии», поразив врага, быстро дал «задний ход», высвобождая свой таран. И все же римляне были еще далеки от уничтожения. С палубы тонущего корабля, пока он неторопливо кренился, несколько раз огрызнулись баллисты – рядом раздались крики и стоны. В двух шагах от Федора упало несколько обезображенных тел. Прямое попадание каменного ядра – жуткое зрелище. От человека, даже прикрытого доспехом, остается мешок окровавленных костей, если он вообще не разорван на части.

– Приготовиться к бою! – разнеслась команда над головами морпехов.

Обернувшись на шум, Федор увидел, что второй финикийский корабль тоже успешно протаранил римскую квинкерему. Но тут их самих атаковал поспешивший на помощь своим «римлянин».

Тарана избежать не удалось. Их застали врасплох. Но капитан Картал все же успел немного изменить положение корпуса, и удар пришелся вскользь. Ростр римской квинкеремы со скрипом и грохотом пробороzdил борт карфагенян, соскользнув в сторону. К счастью, пробоины удалось избежать. Федор впервые убедился, что металлическая броня из пластин, опоясывавшая квинкерему карфагенян ниже ватерлинии, сделана не зря. Зато от удара сорвалась со своих креплений на корме и упала в воду шлюпка. Тут же Федор убедился и в другом: наличие «ворона» в ближнем бою – это преимущество. Неудачно протаранив борт противника своим

ростром, удивленные римляне на этот раз не растерялись и тут же применили абордажный мостик, с грохотом рухнувший на палубу «Удара молнии», намертво сцепив две квинкеремы. Благо, они уже встали борт к борту. И на палубу финикийского судна тотчас ринулись римские пехотинцы.

В первую секунду Федор решил, что у него «дежа вю». Всего несколько месяцев назад он сам точно также, правда, в тренировочных схватках, прыгал на борт корабля противника, облаченный в римские доспехи и крепко сжимая skutum. И вот теперь на него набегали те же римские солдаты, с которыми он сам ходил в атаку плечом к плечу. Только сейчас, подняв меч и прикрывшись щитом, облаченный в доспехи другого цвета, Федор стоял в линии спейры морпехов Карфагена и сверлил взглядом римлян, ожидая увидеть среди них своих бывших товарищей по оружию.

Но не увидел. Первый римлянин, бросившийся на него с мечом, оказался ему незнаком. Как ни странно, это успокоило. Будь это сослуживец Квинт, которому он некогда спас жизнь, или сам центурион Гней, то Федор, возможно, немного замешкался бы, прежде чем убить своего противника. Но теперь он мгновенно перешел в состояние боевой машины и, приняв удар на щит, нанес ответный в область живота. Меч с треском вспорол кожаный панцирь легионера, рассекая внутренности. Римлянин пошатнулся, упал на колени и, выронив оружие, уткнулся лицом в палубу. Федор снова принял боевую стойку, бросив короткий взгляд в сторону. Их линия держалась, отбив первую атаку римлян, но те тут же предприняли новую.

На правом фланге нападавших размахивал мечом и орал на своих легионеров здоровяк со щербатым лицом в шлеме с поперечным «ирокезом» – римский центурион. Софоникс заметил его и, крикнув «В атаку!» вместо привычного для уха «Держать строй!», увлек за собой морпехов Карфагена, напав на римского центуриона первым.

Успев заметить, что невдалеке вторая квинкерема финикийцев тоже сцепилась с римской, а триеры ведут успешный бой с превосходящими силами противника, Федор вместе с товарищами бросился вперед. Две линии солдат – коричнево-алая римская и темно-синяя карфагенская – сшиблись у кормы квинкеремы и стали давить друг друга щитами. С носа на корабль финикийцев проникла вторая манипула римских воинов, предварительно связав борта абордажными крюками, – чтобы не растащили.

«Поумнели, сволочи», – с раздражением отметил Федор, отталкивая щитом своего противника, и слегка присев, рубанул его по выставленной чуть вперед левой ноге. Раздался звон – римлянина спасли поножи – металлический щиток, прикрывавший ногу ниже колена. Зато, получив удар по ногам, легионер слегка опустил и отвел в сторону щит. Увидев это, Федор распрямылся, сделал выпад вперед и угодил в бок противника, слегка разрубив панцирь. Римлянин отпрыгнул назад, словно ужаленный, снова закрылся.

В пылу схватки Чайка успел рассмотреть по уже знакомым ему признакам, что против них бьются бывалые морпехи из «принципов» – уже послуживших солдат, а не молодые «гастаты». И Федор на себе ощутил, что противник ему попался крепкий. Но выбирать не приходилось («хороший римлянин – мертвый римлянин!») – и он снова бросился на врага. Они рубили друг друга в исступлении еще несколько минут, позабыв обо всех вокруг, и за это время измочалили в конец свои щиты. Отбросив их, сжали покрепче мечи.

Встав в прочную стойку, Федор выжидал, прищурившись на солнце, и римлянин бросился на него первым. Морпех ушел от рубящего, направленного в голову удара, присел и нанес удар в пах. А когда тот достиг цели, добил согнувшегося, но продолжавшего двигаться по инерции противника ударом меча по шее, отрубив ему голову. Когда обезглавленный римлянин рухнул на палубу, Федор поднял меч повыше и осмотрелся по сторонам.

Их атака нанесла римлянам большой урон. На корме легионеры были почти уничтожены и отброшены к мостику. Софоникс зарубил центуриона. Но вот на носу квинкеремы римляне побеждали, выкосив почти всю вторую спейру морпехов Карфагена. Им активно помогали

«огнем» из двух «Скорпионов» стрелки римлян, засевшие на башне своего корабля, откуда они видели всю схватку, как на ладони. Римлянам удалось поразить из своих мощных стрелометов уже не меньше десятка финикийцев, беззащитных перед ударом крепкой стрелы длиной чуть меньше метра.

«Эх, жаль, гранат нет, – расстроился Федор, вспомнив службу в морской пехоте двадцать первого века, – один бросок – и нет башни. А еще лучше гранатомет бы...» Но гранаты, естественно, остались в прошлой жизни, а тем более гранатомет, зато в руках был меч. Приходилось воевать тем, что есть.

Рядом сражался Урбал. И неплохо сражался для сына торговца лошадьми. Он отправил на тот свет уже трех римлян, а четвертый только что напоролся на его меч, придавив своей тушей. Урбал поднатужился и скинул мертвого римлянина с себя, испачкавшись в его крови. Затем встал на грудь поверженного легионера ногой и выдернул свой застрявший меч.

Летис, словно легендарный герой древнегреческих мифов, наносил размашистые удары своим врагам. Сразу трем легионерам. Причем ни один не успевал приблизиться к нему больше, чем на пару метров прежде, чем получал новый удар и едва успевал прикрыться щитом. Присмотревшись, Федор решил, что Летис скорее напоминает своими повадками разъяренного кельта, и римляне, судя по всему, думали так же. К противникам Летиса добавилось еще двое, и Федор решил прийти ему на помощь, но пока он подбирался, финикиец успел убить двоих. Федор уложил еще одного, а подскочивший Урбал третьего. С оставшимся Летис разделался сам.

Расчистив часть кормы от римлян, три финикийца оказались на открытом пространстве и сразу привлекли внимание стрелков с башни.

– Берегись! – крикнул Федор, заметив направленные на них жала сразу двух «Скорпионов» и отпрыгивая в сторону. Летис с Урбалом успели поднять щиты. Выпущенные стрелы пробили их насквозь, но застряли, не причинив вреда.

И тут Летис, бросив меч на залитую кровью палубу, резким движением выхватил сразу два кинжала из висевших на поясе ножен и молниеносно метнул их в сторону башни, возвышавшейся на палубе римского корабля. На зарядание «Скорпионов» требовалось время, а его-то Летис римлянам и не дал. Оба стрелка, схватившись за горло, рухнули с башни на палубу, успев издать только предсмертный хрип.

– И гранат не надо, – с удовлетворением заметил Федор.

– Ты о чем? – не понял его Урбал.

– Не бери в голову, – ответил Федор, – лучше скажи, что делать будем.

Урбал перевел взгляд на палубу и понял, о чем толкует морпех. Римляне победили. Весь нос и большая часть палубы находилась уже в их руках. В сторону кормы, где скопилось всего пять оставшихся в живых финикийцев, считая Софоникса и еще одного парня, осторожно приближался строй римских легионеров, прикрываясь щитами. В пылу схватки погибли все, включая капитана корабля и самого Адонисла. Они оба лежали чуть поодаль среди десятков окровавленных трупов. Один с рассеченной головой, другой со стрелой в спине.

– Солдаты! – раздался негромкий приказ командира спейры, – я приказываю вам покинуть корабль. Мы проиграли. Плывите к берегу и добирайтесь до армии Ганнибала. Кто выживет, расскажет обо всем, что случилось.

Летис выхватил из ножен последний кинжал и ловким движением распорол завязки на боках панциря, скинув его на палубу. Отдав кинжал Урбалу, он поднял с палубы два меча и встал рядом с Софониксом, ожидая римлян, которые совсем не спешили. Бежать карфагенянам было некуда. Урбал замешкался с завязками, и когда дело дошло до Федора, римляне оказались уже в двух шагах, а командир спейры и Летис с трудом отбивались от десятка солдат, наседавших на них со всех сторон.

Урбал прыгнул в воду первым, Федор, так и не успев снять панцирь, за ним. Тяжелый доспех сразу же потянул его под воду, но морпех успел вдохнуть побольше воздуха и распорол завязки кинжалом, который так и не выпустил из рук. Сорвав панцирь уже на глубине, он успел всплыть, едва не задохнувшись.

Пока он жадно глотал воздух, пытаясь рассмотреть берег, рядом в воду грохнулось что-то массивное – это был Летис, и еще одна фигура поменьше показалась невдалеке – солдат имени которого Федор не знал. Морпех первым заметил, что в сотне метров на волнах качается шляпка, та самая, упавшая с их квинкеремы в воду после тарана римлян.

– Плыдем туда, – крикнул он вынырнувшему Летису и барахтавшемуся невдалеке Урбалу.

Плавали все, как выяснилось, неплохо. Могли при необходимости доплыть и до берега, тем более, что до него оставалось совсем немного, на глаз не больше полукилометра. Но не пришлось. В лодке оказались прикрепленные весла, целых три пары для шести гребцов. Но их спаслось всего четверо, считая малознакомого солдата. А вот командира они не досчитались.

– Софоникс погиб, – сообщил Летис, поглядывая в сторону сцепленных кораблей, по палубе которых носились римляне, показывая в сторону удалявшейся шляпки. – Успел зарубить еще троих, а потом закололи его.

Римляне их не преследовали. Флагман финикийцев был захвачен, сам флотоводец убит. А четырех спасшихся солдат они не боялись. Но Федор, посматривая с быстро удалявшейся шляпки в сторону римских кораблей, заметил, что победа у испанских берегов досталась им дорогой ценой. Две трети кораблей римского флота горело или тонуло, а оставшиеся квинкеремы, отвернули от берега, отказавшись от высадки десанта. Тем более, что их на берегу поджидали, – вдоль кромки скал постоянно курсировали конные разъезды. Но и финикийцы потеряли почти все суда. Лишь три квинкеремы и несколько триер прорвались и уходили сейчас вдоль берега в сторону Сагунта.

– Не зря сражались, – заметил вслух Федор.

– Не зря, – подтвердил Урбал.

Глава третья

Снова в армии

Пока они подгребали к скалистому берегу, обрамленному небольшой полоской песчаного пляжа, Федор, обернувшись, заметил в нескольких сотнях метров в стороне еще одну триеру финикийцев, севшую на мель. Солдаты выпрыгивали из нее, и вплавь добирались до суши. Кроме того, сидевшие в шлюпке морпехи по дороге выловили еще трех солдат Карфагена с других судов, взяв их на борт.

С высокого берега за ними наблюдали конные разведчики Ганнибала. А когда лодка уткнулась килем в песок, и спасенные морпехи, одетые только в исподнее, выбрались на песок, их встретила половина спейры пеших солдат, вооруженных щитами и мечами. У всех мечников были большие вытянутые щиты бордового цвета, похожие на кельтские, и короткие мечи. Головы укрывали странные кожаные шлемы с невысоким гребнем, но без всяких наверхий. Носили они только белые туники, окаймленные пурпурной полосой. Панцирей Федор не заметил. Впереди стоял командир – загорелый бородатый мужик в высоком шлеме с наверхием и плюмажем из перьев.

«Судя по одежке, – подумал Федор, разглядывая их туники, перетянутые ремнями, и вспоминая рассказ погибшего Софоникса, – иберийские пехотинцы».

– Вы с корабля Адонисла? – спросил бородатый ибериец в шлеме.

– Да, – кивнул Федор.

– Ганнибал послал нас узнать, что случилось с флотом. Жив ли Адонисл? – спросил он, разглядывая всех прибывших на шлюпке.

– Он погиб, – ответил Федор, сплевывая соленую слюну и стараясь отдышаться после быстрой гребли, – вместе с капитаном корабля.

– А ваш командир жив? – уточнил ибериец.

– Нет, его тоже убили, – на этот раз ответил Урбал, покосившись на Летиса, – вот он видел это своими глазами.

– Это правда? – уточнил ибериец, переводя взгляд на рослого морпеха.

– Да, бой был жаркий. И его закололи римляне на моих глазах, – подтвердил Летис, с которого ручьями стекала вода вперемешку с потом, – но, Софоникс успел унести с собой немало римских жизней.

Командир иберийцев помолчал, отвернувшись в сторону песчаной отмели, откуда к ним спешили морпехи с триеры севшей на мель неподалеку.

– Что же, вы бились славно, – проговорил, наконец, командир иберийской пехоты. – Я доложу об этом Ганнибалу. А вы дожидитесь остальных и следуйте все вместе в лагерь. Он стоит у перевала, вы легко найдете его. Там примут решение, что с вами делать дальше.

Сказав это, ибериец развернулся и стал подниматься по тропе между скал. Его солдаты последовали за ним. А пехотинцы с «Удара молнии» – Федор, Урбал, Летис и малознакомый им боец – присев на край шлюпки стали дожидаться остальных морпехов. Среди них оказался командир спейры, рослый африканец, которого звали Магна. За неимением другого командира, он принял на себя командование объединенными силами спасшихся после битвы морпехов и повел их в лагерь, куда они прибыли через пару часов. Вместе с Федором и компанией из погибшего флота Адонисла здесь набралось человек восемьдесят морских пехотинцев.

Когда они прибыли в лагерь, стоявший у подножия горы, то обнаружили, что он почти пуст. В нем оставалось для охраны лишь несколько сотен пеших воинов-иберийцев и кельтов. Да еще примерно триста иберийских всадников. Вся армия уже ушла на север, а Ганнибал, похоже, не сильно опасался римского нападения с тыла, словно знал, что его не будет.

Охрана препроводила морпехов к пустому барaku, где они смогли немного отдохнуть и поесть – еду им принесли туда же. А затем, едва пехотинцы закончили обед, в барак неожиданно явился сам Ганнибал в кирасе почти черного цвета, богато украшенной золотым орнаментом. Его сопровождали пять неизвестных Федору военачальников в не менее богато отделанных доспехах. Кто это такие, морпех не знал, а объяснить было некому.

Увидев вождя, которого все знали в лицо, солдаты вскочили со своих мест. Ганнибал поднял руку в знак приветствия и, выйдя на середину широкого барака, громко спросил:

– Мне доложили, что Адонисл погиб. Кто из вас видел смерть моего флотоводца?

Летис, узрев перед собой вождя армии, от удивления потерял дар речи. Федор толкнул его в бок, но сын владельца гончарной мастерской продолжал молча смотреть на Ганнибала, так и не издав ни звука. Урбал тоже молчал. Тогда Федор решил спасти ситуацию и сказал, нарушив затянувшуюся тишину:

– Мы втроем это видели, – он указал на Летиса и Урбала, стоявших рядом.

– Как он погиб? – спросил Ганнибал, строго глянув на Федора.

– Его убили римляне из «Скорпиона», стрелой в спину – пояснил Федор и добавил. – А капитана корабля зарубили мечом.

Ганнибал ненадолго замолчал, словно обдумывая что-то.

– Вы с честью выполнили свой долг, – снова заговорил военный вождь Карфагена, – и хотя флот разбит, вы все равно настоящие герои. Мы проиграли морское сражение, но выиграли время. Римляне не смогли помешать нам пройти этот важный перевал, а теперь уже поздно.

Он сделал несколько шагов и остановился, скрестив руки на груди, словно принимая решение.

– Армия уходит дальше, – заявил Ганнибал, – у меня нет свободных судов, чтобы отправить вас в Новый Карфаген. И я тороплюсь. Поэтому вы отправитесь в поход на Рим вместе со мной. Вам выдадут новое оружие и доспехи. Если так случится, то я снова отправлю вас служить на кораблях. Но теперь, – он обернулся в сторону одного из военачальников, бородастого крепыша, – вы солдаты сухопутной армии и поступаете в распоряжение Атарбала, командира моих африканцев. С этого дня вы будете исполнять все, что он вам прикажет.

Закончив свою короткую речь, Ганнибал развернулся и вышел наружу, придерживая ножны меча. Полководцы последовали за ним. Лишь сам Атарбал задержался, чтобы узнать, есть ли среди спасшихся морпехов командиры. Отозвался только Магна.

– Ты будешь командиром этой спейры, – подтвердил его полномочия новый начальник, – немедленно следуй ко мне в шатер. Там я сообщу тебе, что ты должен будешь делать завтра.

Когда Атарбал, наконец, покинул барак в сопровождении Магны, Федор выдохнул и мысленно подытожил случившееся за последнее время: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Получалось, что он теперь снова должен отправиться в италийские земли. Да не просто на прогулку, а с экспедиционным корпусом Ганнибала, мечтавшего покорить или уничтожить ненавистный Рим. Чем это дело закончилось через шестнадцать лет, Федор отлично помнил из прочитанного в прошлой жизни, но его подобный конец совершенно не устраивал. Идти просто на бойню совсем не хотелось. Но в глубине души вдруг родилось какое-то смутное предчувствие, что раз уж он появился здесь вопреки здравому смыслу, то, значит, бывают на земле и другие чудеса. Кто знает, чем закончится этот поход великого Карфагенянина. И если Федор теперь служил Карфагену, а судьба снова отправляла его в римские земли, то морпех решил как-нибудь применить свои исторические познания в предстоящем походе на благо армии финикийцев. Авось, поможет.

Одно беспокоило его во всем этом сильнее, чем своя собственная судьба – Юлия. Что же будет с ней, если Ганнибал победит? Вернее, что будет с ними? Любовь к юной римлянке, дочери сенатора Марцелла, внезапно вспыхнувшая в его сердце, заставила Федора бежать из

Рима в Карфаген сразу после их единственного свидания. Что случилось со знатной девушкой, ответившей на чувства простого легионера вопреки воле отца, собиравшегося скоро выдать ее замуж, он не знал, но очень хотел бы знать. Тем более, что обещал Юлии никогда не забывать о ней. Да он и не мог. Она снилась ему по ночам такой, как в день их последнего свидания – в изящной вышитой узорами столе⁵ с яркими платиновыми волосами, уложенными в вычурную прическу. Он видел словно наяву ее узкое личико, обрамленное пышной короной волос, и умный взгляд серых глаз. Помнил запах этих волос и тепло юного тела.

Об их краткой связи в Карфагене не знал никто, включая благодетеля Магона. Федор решил не рассказывать даже ему о своей личной жизни у римлян, только о службе. Зато знал об этом отец Юлии, сенатор Марцелл, и запросто мог задушить дочь своей собственной рукой. С него станется. Тот еще зверь. Матерый. Никого не прощает. И Федор боялся даже подумать о том, что Юлии уже нет в живых. В любом случае, он собирался как-нибудь разузнать о судьбе римлянки во время похода и надеялся, что судьба ему подскажет, что делать. А пока выбор оставался невелик: следовать за Ганнибалом.

– Ну, как тебе такой поворот? – толкнул его в бок неожиданно повеселевший Урбал, оторвав от воспоминаний.

– Ты о чем? – не понял Федор.

– Я о том, что нам предстоит поход, о котором сложат легенды, – заявил он. – Мы идем на Рим. И, может быть, мы с тобой прославимся в этом походе, а наши имена попадут в свитки историков. А потом, спустя столетия, люди прочтут о нас в библиотеках Карфагена.

– Я так далеко не заглядывал, – честно признался Федор и посмотрел на Летиса. – А ты что думаешь обо всем этом?

– А мне все равно, – ответил здоровяк, отряхивая еще влажную тунику от крошек после недавнего обеда. – Я пойду за Ганнибалом хоть по морю, хоть по суше. На корабле, конечно, быстрее, но и на земле можно повоевать. Главное, чтобы дали кинжалы.

– Думаю, тебе не откажут, – заметил на это Федор, – особенно, если ты им продемонстрируешь, как ты их кидаешь.

Этим вечером они заночевали в полупустом лагере. Римские корабли ушли, не высадив десанта. А наутро началась новая жизнь. Морпехам, потерявшим во время боя и бегства амуницию, по приказу Атарбала выдали новую. Таких солдат оказалось немного, всего семеро. Четверо – из состава спейры погибшего Софоникса и еще трое, выловленных ими из воды по пути к берегу, – с другой квинкеремы. Все остальные морпехи, служившие под началом Магны на триере, свое оружие и доспехи сохранили. Ее капитан погиб в бою, часть морпехов тоже. Гребцов с разбитого корабля отправили служить в осадный обоз, благо дел там хватало. А из остальных сформировали спейру тяжелых пехотинцев, добавив в нее еще пятьдесят финикийцев и ливийцев, оставшихся после осады Сагунта без своих подразделений.

У морпехов с триеры были свои темно-синие панцири и короткие прямые мечи. А вот Федору и его товарищам, вместо таких панцирей выдали кожаные доспехи коричневого цвета, обшитые на груди пластинами из металла. Хорошо хоть шлемы им достались нормальные, железные, греческого образца, а не из кожи, как у иберийских пехотинцев. Федор на прочность его, конечно, не проверял, но тот факт, что у иберийской пехоты не усматривалось на теле, кроме туники, никаких панцирей и кольчуг, наводил его на мысль, что они легко могли служить Ганнибалу расходным материалом, как легковооруженные велиты у римлян. Правда, иберийцев было несравнимо больше. И не только пеших.

Единственной вещью синего цвета, предоставленной ему, оказался круглый щит с массивным умбоном. Такие же щиты вручили и всем остальным пехотинцам, оставшимся без амуниции. Пополнившие ряды новой спейры финикийцы и ливийцы были одеты и вооружены так

⁵ Стола – верхняя одежда римлянок. Похожа на очень широкую тунику с большим количеством складок.

же, как и Федор. Так что получалось, что морпехи Магны теперь немного выделялись из общего ряда своими панцирями, овальными щитами и прямыми мечами. Тем более, что Федору в качестве оружия выдали не привычный испанский меч-гладий⁶, а ту самую изогнутую и слегка тяжеловатую фалькату, что он уже видел у пехотинцев в лагере возле Сагунта. Это было надежное оружие с клинком примерно в полметра.

Немного помахав приобретением в воздухе и сделав несколько рубящих движений, Федор остался доволен новым оружием, оценив его возможности. Круглый щит оказался значительно легче римского skutума, он даже годился для замаха, хотя и прикрывал не половину тела, а только треть. Зато фальката весила значительно больше меча, и от ее удара не спасала практически никакая защита. Кроме того, фалькатой можно было не просто колоть и рубить, а рубить «с оттягом», благодаря изогнутой форме более широкого в передней части клинка.

Федору дали также кинжал с отдельными ножами. Сначала он решил прикрепить их к широким ножнам фалькаты, как это делало большинство воинов в испанской армии Ганнибала, но потом надумал повесить на пояс.

Летису, кроме аналогичного вооружения, к его большой радости тоже выдали кинжалы работы местных кельтских кузнецов. К тому же сразу два, о чем он специально попросил. Не удержался. Он хотел выклянчить еще два, но на этот раз ему отказали. Однако, та пара, что уже находилась у него в руках, была добротной работы и доставила вчерашнему морпеху настоящее удовольствие. Длинные прямые лезвия. Каждый в узких ножнах. Едва заполучив их в свое распоряжение, Летис тут же стал доводить до нужной кондиции и без того острые, на взгляд Федора, клинки.

Урбал удовольствовался одним кинжалом, как и все. Тяжелая фальката ему тоже пришлась по вкусу.

– Надежное оружие, – рассудил Урбал, взвесив его в руке.

Теперь спейра под командой Магны насчитывала сто тридцать бойцов, имела седьмой номер и входила в состав двадцатой хилиархии двадцатитысячного корпуса тяжелой ливо-финикийской пехоты, которым командовал полководец Атарбал⁷. Федор впервые слышал о таком подразделении, но Магна, его новый командир, во время коротких привалов утреннего марш-броска, когда они, преодолев перевал и оставив море за спиной, догоняли основную армию, охотно объяснил «иностранцу» с далекого севера, что хилиархия – это соединение примерно в тысячу воинов. Иногда больше. Оказалось, что Ганнибал мог менять в зависимости от родов войск и просто по своему усмотрению численный состав хилихарий и спейр. Например, спейра кельтов в этом войске могла содержать не сто с лишним, а двести или даже двести пятьдесят воинов.

Федор, с одной стороны, этому был рад, но, с другой, не мыслил армию без дисциплины и боялся увидеть в скором времени разброд и шатание. Особенно среди кельтов. Тем не менее, никакого разброда и шатания в войске не наблюдалось. В этом он скоро убедился, когда морпехи настигли, наконец, растянувшийся по горной дороге осадный обоз, охраняемый многочисленными иберийскими всадниками.

Правда, первые, увиденные им части испанской конницы показались Федору немного странными. Нет, они четко держали строй и одеждой походили на тех пехотинцев, которых он видел ранее на берегу и в лагере: белая туника, отороченная красной полосой, на голове колпак из жил, украшенный гребнем из конского волоса. За спиной круглый щит бордового

⁶ Многие солдаты армии Ганнибала пользовались прямым остроконечным мечом, который позже обрел бессмертие, после того как его взяли на вооружение римляне. Они так и называли его *gladius hispaniensis* – испанский гладий. Но более популярным оружием среди испанцев была изогнутая фальката.

⁷ Атарбал – имя также широко распространенное среди финикийцев, как, например, Ганнибал и Ганнон. Во времена Первой Пунической Войны жил флотоходец Карфагена с подобным именем. В данном случае Атарбал, – личность вымышленная.

цвета, в руке у каждого – копьё, а на боку – уже знакомая Федору фальката. Станным было то, что они ехали по два человека на одной лошади, восседая в одном широком седле.

– У них, что, лошадей не хватает? – не удержался Федор от вопроса, когда Магна разрешил короткий привал, и морпехи уселись прямо на камни у обочины неширокой дороги.

– Почему не хватает? – удивился командир спейры. – Лошадей достаточно. Просто во время боя один, а то и оба спешиваются.

– Интересная конница, – только и сказал Федор, стараясь быстрее отдышаться.

Пока они рысцой обгоняли обоз, Федор насчитал не меньше сотни различных метательных орудий, большинство из которых оказались не полевыми, а осадными. Основную массу везли разобранными на возах, но попадались и иные, самые легкие, поставленные на деревянные колеса, их тянули за собой упряжки коней или быков. По всему было видно, что Ганнибал готовился к серьезной войне, где предстояло не только уничтожить легионы пехотинцев, но и брать города.

Обогнав грандиозный обоз и пехотные хилиархии иберийцев, они к обеду настигли африканские части, в составе которых им предстояло совершать свой путь дальше. Заняв свое место в колонне, определенное порядковым номером хилиархии и спейры, Федор перешел на шаг и смог, наконец, отдышаться, привыкая к другому ритму. Когда морпех пришел в себя, то стал смотреть по сторонам, впитывая новую информацию. А посмотреть было на что.

С двух сторон дорогу сжимали высокие коричнево-желтые скалы, а впереди поднималось облако пыли, почти перекрывая видимость. Люди, даже в большом количестве, так пылить не могли. Приглядевшись, Федор увидел впереди целое стадо из нескольких сотен боевых слонов, устроивших на горной дороге настоящую пыльную бурю. Животные резво шли вперед, размахивая бивнями из стороны в сторону. На каждом слоне сидел погонщик, позади него виднелась притороченная к спине благородного животного кабинка с крышей и деревянными бортиками, за которыми могли легко укрыться сразу несколько солдат-лучников.

Федор долго и с интересом разглядывал эти ходячие «танки» античности. Неожиданно один из слонов заревел, заставив Федора вздрогнуть. Морпех даже инстинктивно дернулся, толкнув шагнувшего рядом Урбала.

– Ты чего? – поднял голову тот. – Слонов испугался?

– Немного, – кивнул Федор, – с непривычки. Подумал, вдруг он взбесится и на нас бросится. Потопчет всех.

– Не успеет, – успокоил его Урбал.

– Почему? – искренне удивился Федор. – Кто же его остановит? Летис, что ли, со своими кинжалами?

Летис, шагавший позади Федора, не расслышал издевки товарища.

– Почему Летис? – Урбал снисходительно улыбнулся. – Хотя, если он прицелится...

Житель Керкуана поднял руку и указал на ближайшего слона.

– Видишь, у каждого боевого слона на шее сидит махут, погонщик.

– Вижу, – подтверди Федор, – ну и что? Да слон его одним ударом хобота расплющит.

– Не расплющит, – возразил словоохотливый Урбал. – Махут дрессировал этого слона много лет. Слон его слушается.

– А если он все же взбесится? – не унимался Федор. – От зажигательных стрел, например.

– Ну, если боевой слон взбесился, – терпеливо объяснял Урбал, – и погонщик его не может успокоить, тогда, чтобы не потоптал своих пехотинцев, придется применить металлический клин.

– Какой клин? – не понял Федор.

– У махута на такой случай имеется при себе специальный клин, – не торопясь, рассказывал Урбал. – Довольно длинный, чтобы проникнуть глубоко.

– Ну... – начал понемногу догадываться Федор.

– Так вот, если слона уже не успокоить, – спокойно закончил Урбал, – махут просто вобьют этот клин одним ударом ему в затылок, чтобы обезвредить животное. Каждый погонщик этому специально обучен. Ведь если слон впал в бешенство, то надо спасать людей.

– Гуманно, – заметил пораженный предусмотрительностью местных полководцев Федор, припоминая, что против слонов в античных войнах, с целью испугать животных и направить их на своих солдат, применяли не только зажигательные стрелы. Был один греческий гений (Федор читал о нем), который разработал прототип противотанкового минного поля. В землю вбивались железные клинья, связанные цепями и закрепленные так, чтобы наступающий слон разодрал в кровь свои нежные ступни. Ведь этот исполин хоть и толстокожее животное с мощными бивнями, но ступни у него – самое уязвимое место. Греки не только изобрели подобное замечательное средство борьбы с могучей наступательной противника, но и успешно испытали его в боях, изувечив немало животных.

Федор присмотрелся к погонщику ближайшего слона, как раз объезжавшему очередное препятствие и ненадолго попавшему в поле зрения морпеха при развороте животного. Чайка действительно заметил у него на боку длинный металлический клин. На некоторое время Федору стало жалко слонов. «Это до первого случая, – тут же поправил себя он, отогнав размягчающие мысли, – пока слон не попер на меня самого».

К вечеру они прибыли в походный лагерь, точнее, целую систему лагерей, растянувшуюся по широкой долине на несколько километров и вопреки правилам не огороженную высоким частоколом. Удивленному Федору, прихваченному Магной с собой, в составе команды из двадцати солдат для получения палаток со склада, находившегося в дальнем конце лагеря, командир объяснил, что они передвигаются все еще по своей территории.

– Вот через пару дней, когда дойдем до реки Ибер, – пояснил Магна, поправив меч на боку, – будем уже строить лагеря регулярно. Да и с миром нас никто через Пиренеи не пропустит. Придется повоевать.

– А что там, за этой рекой? – искренне удивился Федор, припоминая, что до Рима еще далеко, и легионов поблизости размещаться не может.

Магна изумленно посмотрел на Чайку, но все же ответил, очевидно, приняв во внимание историю его появления у финикийцев:

– Там кончаются владения Карфагена.

«Интересно... – размышлял Федор, вместе с другими солдатами закидывая на повозки большие кожаные палатки, в которых им предстояло спать в походе, напоминаясь более шатры на пятнадцать человек. – Это что же получается? Для того, чтобы напасть на Рим со стороны суши, придется захватить все земли и государства, находящиеся на пути к нему? Однако! Ганнибал по мелочам не разменивается...»

Он стал последовательно вспоминать все, что располагалось между Испанией и Италией, куда вела пара очень старых дорог, точнее, два торговых маршрута, прозванные еще древними греками «путями Геракла». Сначала пунктир дорог шел через Пиренеи, затем мимо болотистых прибрежных земель через Рону, или Родан, как эта река сейчас называлась у римлян, в сторону греческой Массалии. За Массалией главная дорога разделялась еще на два ответвления. Один из них, как помнилось Федору, шел вдоль лигурийского побережья в сторону Генуи, где он уже успел побывать дважды. На этом пути жило множество кельтских племен, основавших свои города и укрепленные поселки. А второй заворачивал в Альпы, где тоже жили кельты. Там их селилось великое множество, все эти племена отличались воинственностью и далеко не всегда дружили даже между собой. Какой дорогой поведет Ганнибал свою армию, и договорился ли он предварительно с кельтскими вождями, Федор не знал.

Для начала предстояло миновать все горные племена, что живут здесь по обе стороны Пиренеев и посматривают на Рим в ожидании помощи против Ганнибала. А потом уже думать

про Галлию, исконные земли кельтов⁸, именуемые так римлянами. До них оставалось пока далеко. В конце концов, он не командир корпуса, хилиархии или даже спейры, а простой солдат. Стратегия сейчас не его забота.

Но окружающее не переставало его живо интересовать. Проходя рядом с повозками через лагерь огромной армии, раскинувшийся на всю долину, Федор с интересом рассматривал многочисленные и непохожие друг на друга подразделения, собранные здесь из разных концов обширных владений финикийской республики.

Изредка он расспрашивал Магну, откуда пришли и как называются те или иные солдаты. И, слушая ответы командира спейры, Федор начинал думать, что Ганнибал не стремился к излишнему единообразию в армии, на первый взгляд представлявшей собой многочисленное собрание разных народов, одетых и вооруженных по-своему, и этим сильно отличавшейся от римской, где все были «на одно лицо».

Каждым подразделением, собранным из кельтов или нумидийцев, командовал собственный вождь на своем родном языке. Солдаты из десятой хилиархии иберийцев могли абсолютно не понимать, о чем говорят их сослуживцы из пятой хилиархии ливийцев. А объединенное командование у карфагенян, скорее всего, осуществлялось только на батальонном уровне. Как Ганнибал ухитрялся управлять всей этой разношерстной массой, новобранец седьмой спейры двадцатой хилиархии африканцев Федор Чайка пока не понимал. Но, видимо, вождь Карфагена отлично знал, какие пружины в этом механизме надо приводить в движение, чтобы он работал бесперебойно. И он, судя по всему, работал.

Вечером, когда морпехи установили огромный шатер и, уставшие после первого дня похода, улеглись спать, Федор поделился своим сомнениями со всезнающим Урбалом. И с удивлением услышал от него, что верховные военачальники финикийцев считают, будто солдаты, не знающие языков друг друга, никогда не смогут составить заговор и поднять серьезное восстание против власти Карфагена.

– Из тех же соображений, говорят, Ганнибал, перед походом отослал многих иберийцев из Испании в Африку, защищать столицу, на которую могут напасть римляне, – вполголоса сообщил Урбал, – а сюда вывез ливийцев, поменяв их местами.

В принципе, Федор был с этим согласен, но управлять такой массой «иностранцев», наверняка, являлось делом не самым легким. С одной стороны, не знаешь, какой язык учить. Но с другой, в иноземный отряд тебя точно служить не отправят. Будешь тянуть ляжку только со своими, с теми, кого понимаешь. Так что особых проблем именно для него не существовало.

⁸ Народ, о котором идет речь, кельтами называли греки. Но римляне именовали его по-своему: галлами (Galli). Как и страну, из которой они пришли.

Глава четвертая За рекой Ибер

Как и обещал Магна, корпус африканцев достиг берегов реки Ибер, по которой походила граница владений Карфагена в Испании, через пару дней, ближе к полудню. А когда Федор, Летис и Урбал увидели эту реку своими глазами, половина финикийской армии уже находилась на другом берегу.

Весь предыдущий день они шли вниз, спускаясь с гор, и к полудню следующих суток почти оказались на равнине. Ибер в этом месте был довольно широк и плавен, огибал невысокие прибрежные холмы, поросшие редкими деревьями. К своему удивлению, Федор увидел не просто сотни лодок и плотов, предназначенных для переправы огромной армии Ганнибала, но и довольно широкий мост, выстроенный инженерными частями в самом узком месте реки. По нему сейчас переходила Ибер первая хилиархия африканцев под командой Атарбала. Тяжелая испанская конница и слоны были уже на другом берегу, а осадному обозу только предстояло туда попасть. Параллельно мосту сновали в обоих направлениях многочисленные лодки, перевозя легкие пехотные части, выстроившиеся у временных деревянных причалов в ожидании своей очереди.

Увидел Федор чуть в стороне и небольшую флотилию бирем с морпехами на борту – Ибер оказался судоходен в этой части для небольших кораблей. Всего насчитывалось восемь бирем, охранявших переправу с воды. Заметив на реке суда, все морпехи, словно по команде, переглянулись, сожалея о том, что вынуждены идти пешком. Но вслух никто не высказался. Приказы Ганнибала не обсуждались.

К счастью, африканцы Атарбала должны были пересечь Ибер по мосту, и долго ждать не пришлось. Организация инженерного дела находилась на должном уровне. Этого Федор не мог не заметить. Да и прочность моста не вызвала сомнений, раз уж по нему уже провели слонов. Единственное, чего не понимал Федор, – почему никто их не атаковал на переправе, ведь, по сути дела, они уже вторглись в чужие земли. Но, присмотревшись, увидел многочисленную конницу, маячившую в нескольких километрах впереди, у холмов, предвещавших очередную гористую область прямо по курсу. Там же располагалось несколько подразделений легкой иберийской пехоты, прикрывавшей переправу армии Ганнибала, по большей части уже втянувшейся на вражескую территорию и устремившейся вперед, не встречая пока сопротивления от местных племен.

Скоро и седьмая спейра двадцатой хилиархии африканцев оставила реку позади.

– Ну что же, – озвучил это событие Федор, толкнув Урбала в бок, – Ибер перейден. Назад дороги нет.

– Да, – подтвердил сын торговца конями, – значит, скоро начнется бойня.

– Ты уверен? – усомнился Федор. – Пока что-то тихо.

– Это потому, что передовые отряды, наверняка, отогнали иллергетов подальше от побережья Ибера, – пояснил всезнающий Урбал, – но это ненадолго. Весть о приближении Ганнибала скоро разнесется по всем предгорьям, и на нашем пути возникнет не одно войско местных племен.

Когда солдаты отошли на несколько километров от переправы, Федор заметил у дороги с десятков трупов, одетых в черные кожаные рубахи. Здесь явно случилась скоротечная схватка с небольшим отрядом горцев. Все убитые были длинноволосыми и бородатыми, как кельты. Только не носили боевой раскраски. Попадались и мертвые африканцы.

– А кто здесь живет? – поинтересовался Федор.

– В этих местах и вдоль моря, там, куда направляются наши передовые части, живут иллергеты, – ответил Урбал, – а в нескольких днях пути, уже высоко в горах, стоит Илерда,

их главный город. А вон там, – он махнул рукой влево, в сторону далеких скалистых гряд, из которых брал начало Ибер, обитают васконы. Сильное и многочисленное племя. Еще дальше бероны. А за ними, до самых истоков Ибера в Кантабрийских горах, еще много других племен, не считая самих кантабров.

– И что, все они будут с нами воевать? – задал вопрос Федор.

– А я откуда знаю? – просто ответил ему Урбал, но тут же добавил. – Думаю, что просто так они нас не пропустят. Они очень воинственны. Да и Ганнибал не тот вождь, что оставит у себя в тылу такую угрозу своим коммуникациям. Ведь если мы пойдем на Рим, оставив все, как есть, то иллергеты и васконы тотчас начнут грабить наши обозы.

– А договориться с ними никак нельзя? – осведомился морпех, тщетно пытаясь отыскать в глубинах своей памяти хоть какие-нибудь знания о племенах, перечисленных Урбалом. Но все названия абсолютно ни о чем не говорили Федору. Единственное, что ему удалось припомнить, это то, что васконы, кажется, являлись предками знаменитых даже в двадцать первом веке басков, обитавших все в тех же местах. И это обстоятельство уже само по себе означало немало. Да и остальные племена, наверняка, не отличались тихим нравом, раз их до сих пор никто не смог покорить.

– Если бы Ганнибал смог, то договорился бы, – ответил Урбал, – но, судя по этим трупам иллергетов, переговоры закончились довольно быстро.

– Короче, мы тут застряли надолго, – подытожил Федор, настороженно всматриваясь в ближайшие холмы, между которыми петляла колонна африканцев, прикрытая с двух сторон конным и пешим охранением.

– О чем вы тут болтаете? – вступил в разговор Летис.

– Я говорю, скоро будет весело, – кратко передал ему суть разговора Федор, указав на новую порцию трупов, валявшихся у дороги.

– Это верно, – кивнул Летис, погладив ножны своих кинжалов, – скорей бы.

До самого вечера никаких столкновений не случилось. Во всяком случае, спейра Федора Чайки в них участия не принимала, хотя морпех видел многочисленных разведчиков из нумидийской конницы, пронесившихся со скоростью ветра вдоль строя основных частей в сторону ближних холмов. Вскоре, перед наступлением темноты, африканские части вошли в укрепленный частоколом, но еще не достроенный до конца лагерь. Его возводили все те же инженерные части и, по первым наблюдениям, возводили достаточно капитально. Похоже, Ганнибал приказал обосноваться здесь надолго. Лагерь находился на вершине высокого каменистого холма, у основания которого проходила дорога, соединявшая переправу со страной иллергетов, – еще незнакомых Федору горцев.

Приказав одному из своих помощников по имени Цербал руководить расстановкой палаток, привезенных в обозе, Магна отправился к Атарбалу на срочное совещание командиров спейр. Цербал, как уяснил себе Федор, был правой рукой командира спейры, то есть чем-то вроде опциона, лейтенанта у римлян.

Расставив палатки и отужинав в специальном бараке копченым мясом с овощами, морпехи с разрешения Цербала залегли спать в своем шатре, не дождавшись возвращения командира спейры с затянувшегося совещания. Возблагодарив Баал-Хамона за то, что их опять не поставили в караул, Федор и его друзья с удовольствием растянулись на своих походных лежаках, сколоченных из длинных досок. Ночных нападений не случилось, но всю ночь им мешал спать шум топоров и молотков, раздававшийся во всех концах лагеря.

А наутро, после плотного завтрака, стоя в строю и получая указания от Магны, Федор не узнал лагеря. Он вырос почти вдвое и теперь вмещал в себя по самым скромным подсчетам никак не меньше сорока тысяч солдат, причем половину из них составляли африканцы Атарбала. Еще не до конца достроенный лагерь занимал весь холм и представлял собой вытянутый четырехугольник высокого частоккола с выдававшимися вперед угловыми полукруглыми

бастионами, на которых уже установили метательные машины. Кроме этих бастионов в стены были встроены четыре больших башни с воротами, снабженные навесными мостами, и еще несколько наблюдательных башен поменьше. Вокруг всего лагеря тянулся ров глубиной не менее двух метров. Внутри обширный лагерь, состоявший из тысяч шатров, палаток, барачков и конюшен, разгораживался таким же частоколом на несколько зон, отделявших африканцев от кельтов и других частей. Все необходимое от форума до святилища Баал-Хаммона присутствовало в нем так же, как и в лагере, запомнившимся Федору у Сагунта.

«Если враг даже прорвется в эту твердыню, – размышлял Чайка, осматривая окружающие его строения, – то ему придется брать лагерь по частям. Его никогда не захватить одним ударом».

Седьмая спейра, как и вся двадцатая хилиархия африканцев была расквартирована у восточной стены, неподалеку от нумидийской конницы. Топот коней этих неистовых обитателей пустыни слышался постоянно, даже минувшей ночью, вперемешку со стуком топоров. Видно, разведка Ганнибала, не теряя времени, пыталась собрать максимальное количество сведений о врагах, с которыми скоро предстояло столкнуться.

Но, как вскоре выяснилось со слов Магны, большая часть армии во главе с Ганнибалом еще вчера ушла вперед, атаковав и рассеяв войско иллергетов. Сегодня они уже должны были достичь Илерды и осадить ее. А здесь, в лагере, командовал младший брат вождя финикийцев Гасдрубал. И он приказал трем африканским хилиархиям Атарбала, среди которых числилась и двадцатая, выступить сегодня же на запад, вверх по течению реки Ибер, с тем, чтобы провести разведку боем в ближайших землях иллергетов. Для выполнения задачи Атарбалу придавалось несколько метательных орудий, пятьсот нумидийских всадников, две сотни баlearских пращников и еще одна хилиархия кельтов. Другой корпус, вдвое превосходивший силы отряда Атарбала, отправлялся в сторону моря с целью подчинить все земли, лежащие в дельте Ибера и дальше вдоль морского побережья, раздвинув при этом владения Карфагена вплоть до города Тарракона.

Получив приказ Гасдрубала, предводитель африканского корпуса немедленно распорядился выступить в поход. И почти пятитысячная армия под его личным командованием выдвинулась из лагеря вдоль пологих холмов долины Ибера. Еще две трети его африканцев были распределены между корпусами, атаковавшими Илерду и отправленными в Тарракон. Оставшиеся несколько тысяч солдат смешанного ливо-финикийского корпуса под командой Гасдрубала вместе с хилиархиями кельтов и частями испанской конницы охраняли базовый лагерь армии, где находились слоны, обозы и запасы провианта.

Покинув лагерь, Атарбал выслал вперед две сотни нумидийских конных разведчиков – одних по дороге вдоль берега, других в сторону ближайших холмов – и, поставив первой хилиархию кельтов, усиленную пращниками, разместил за ней две тысячи африканцев и обоз с продовольствием. Замыкала колонну двадцатая хилиархия под командой Акрагара, в центре которой вышагивал Федор Чайка со своими друзьями.

Придерживая одной рукой ножны кинжала, а другой бившую по бедру фалькату, закинув за спину крепившийся на ремне круглый щит, морпех осматривался по сторонам. Дротиков им не полагалось, для этого имелись две первые спейры, состоявшие сплошь из копейщиков, в чьих руках Федор с удивлением заметил на построении не только по два коротких пилума для метания, но и еще один длинный, с зазубренным наконечником, сделанный целиком из железа. Разглядывая это массивное, почти трехметровое копьё, Чайка поинтересовался на первом же привале у друзей, как оно называется.

– Это саунион, – ответил ему Летис, щурясь на солнце, – я как-то тренировался его метать. Но мне не очень понравилось. Слишком тяжелый, хотя пробивает любой щит.

– Я слышал, что бойцов в первую и вторую спейры специально набирают покрепче, – сообщил Урбал и предложил Летису, оглядев его массивную фигуру. – Может, тебе тоже туда попроситься?

– Зачем? – не понял шутки Летис. – Я больше люблю клинки и кинжалы. Копье при случае тоже сойдет, но вообще это не для меня.

До обеда все шло хорошо. Небольшая армия, по численности равнявшаяся римскому легиону без учета союзников, продвигалась вдоль берега полноводного Ибера, на чьих просторах ее сопровождало две биремы охранения с морскими пехотинцами. Но стоило дороге чуть забрать в сторону, нырнув за холмы, а горам подступить к самой реке, сузив вдвое долину, как состоялся первый контакт с иллергетами. Едва биремы охранения пропали из вида, а обоз втянулся в зажатую с двух сторон долину, как послышался грохот падающих камней. Вскинув голову, Федор заметил, что справа по крутому склону на них катятся валуны, поднимая тучи пыли. А еще выше, по гребню скалы, выстроились сотни одетых в черные кожаные рубахи солдат, потрясавших мечами.

Удар пришелся в самый центр замыкавшей колонну хилиархии.

– Расступись! – крикнул Магна, углядев опасность.

Но пехотинцы и так уже разбегались в стороны, пытаясь увернуться от подпрыгивавших на каждой кочке камней. И все-таки увернуться удалось не всем. Разогнавшись до огромной скорости, валуны, словно гигантские шары в знакомом Федору по прошлой жизни боулинге, на бреющем полете врезались в шеренги солдат, оставляя после себя кровавые следы. Один из таких камней угодил в шеренгу морпехов, вмиг размазав по дороге пятерых финикийцев, служивших под началом Магны еще на триере. Это случилось так близко, что Федор услышал даже жуткий хруст перемалываемых костей и треск раздавленных черепов. В мгновение ока на земле образовалась каша, среди которой только по темно-синим, залитым кровью доспехам можно было опознать тела пяти погибших солдат. И подобные широкие борозды от больших камней пролегли в порядках африканцев еще в десятке мест. Камнями помельче убивало одного-двух солдат, калеча одновременно еще нескольких.

Когда внезапный камнепад прекратился, а пыль немного осела, то на изумленных солдат обрушился сверху целый рой стрел. Послышались новые стоны.

– Поднять щиты! – рявкнул Магна. – Построиться в шеренги!

Седьмая спейра, потерявшая во время каменного схода человек двадцать, выполнила приказ незамедлительно. Федор едва успел вскинуть щит, как в него со стуком впилося сразу две стрелы. Стоявшего рядом пехотинца стрела поразила в шею. Еще одного прямо в глаз. У Летиса отскочила от шлема. Рядом раздались крики других командиров. И пока в остальных поредевших спейрах, а именно в пятой и шестой, спешно наводили порядок, ожидая атаки, иллергеты с воплями уже бежали вниз по склону горы, черной лавиной накатываясь на выстроившихся внизу африканцев.

Но и карфагеняне не забыли своей выучки. Где-то во главе двадцатой хилиархии раздалась команда Акрагара, и перед строем пятой и шестой спейры, мгновенно оказались копейщики из второй. Перехватив одной рукой тяжелые саунионы, а в другой зажав по два пилума⁹, они растянулись длинным строем и ждали, пока первые ряды иллергетов добегут до самого низа. И едва это произошло, и между разъяренными горцами и копейщиками осталось не более тридцати метров – пыльный воздух рассекла короткая команда, и в иллергетов полетели копья.

Первая шеренга нападавших полегла на месте. Ничто не могло противостоять удару тяжелого копья, пущенного умелой рукой. Федор своими глазами видел, как саунион прошивает

⁹ Воины армии Ганнибала использовали в бою короткое деревянное копьё для метания с металлическим наконечником, – пилум. Предположительно пилум, как и меч-гладий, был перенят римлянами и взят на вооружение после Второй Пунической Войны. Однако, нельзя утверждать с полной уверенностью точные сроки этого события. Поэтому в данном альтернативно-историческом повествовании римляне уже имеют пилум среди своего вооружения.

тела в доспехах, и часто вместе со щитами, выставленными для прикрытия. Не дожидаясь новой команды, заранее заученными движениями, солдаты-копейщики произвели еще пару бросков, с близкого расстояния уложив пилумами не один десяток горцев, а затем, сделав свое дело, мгновенно просочились назад в просветы между выстроенными спейрами.

Несмотря на то, что первую спесь с горцев сбили, ярости у них еще хватало. Федор перехватил покрепче фалькату, еще ни разу не пущенную им в дело, и вперился взглядом в бежавших на него солдат противника. Иллергеты в черных доспехах наступали по всему фронту одновременно, но не плотной массой, а просто толпой. Такая тактика была Федору уже знакома. Так бились многие «дикие» народы. И он заранее знал, что более организованные карфагеняне победят. Но, увидев однажды атаку кельтов, еще на службе у римлян, привык откладывать самовосхваления на потом. Те кельты наступали вообще без доспехов, почти голые, и сумели покосить своими длинными мечами все организованные и хорошо вооруженные манипулы легионеров. И если бы не вовремя подоспевшая подмога, то победа была бы за ними. Точнее полный разгром. «Не надо недооценивать ярость», – решил тогда Федор. И сейчас он отгонял в сторону все подобные мысли, сжимая фалькату и прикрывая плечо и бок круглым щитом.

Федор стоял в первой шеренге. И уже ясно видел распаленные лица иллергетов. В отличие от кельтов их вооружение состояло из коротких мечей, которыми они размахивали одновременно со щитами, такими же круглыми, как и у карфагенян, но чуть меньшего размера.

Наконец, черная лавина достигла первых рядов карфагенян и захлестнула их, потеснив в нескольких местах. Но тут же откатилась. И началась мясорубка. Федор схватился с длинноволосым воином – шлемов иллергеты не признавали – с ходу обрушившим на него сразу несколько ударов меча и один раз попытавшимся толкнуть его щитом. Морпех, удивленный скоростью горца, едва не перепрыгнувшего через него с разбега, все же удачно прикрылся щитом и увернулся от удара. А затем, не долго думая, взмахнул рукой сам и снизу вверх полоснул фалькатой по груди раскрывшегося на мгновение бойца. Удар морпеха прошел с трудом – все же это оружие было для него еще тяжеловатым и непривычным – но слегка задел доспех, распоров его верхний слой. Горец вскрикнул и шарахнулся назад. Федор, перейдя в атаку, нанес сильный удар сверху, раскрошив легкий щит иллергета, а затем, отбив ответный удар, нанес еще один. На этот раз тяжелый клинок фалькаты, рассек ключицу и вошел в плоть нападавшего, словно в мягкое тесто, едва не отрубив руку.

– Хороший клинок, – Чайка сплюнул застрявший на зубах песок, глядя, как горец, выронив меч, рухнул ему под ноги.

Рядом упал еще один. Это Летис, обезоружив своего противника, поразил его резким выпадом в голову. Тот вскинул руки и залившись кровью, завалился, испустив дух.

– Ты прав, – крикнул Летис, поймав взгляд Федора, – отличный клинок!

Урбал бился со своим горцем в нескольких метрах поодаль, но кто из них победил, морпех не успел увидеть. На него напал еще один иллергет, в ярости вращавший мечом над головой. Первым ударом он заставил Федора отступить на несколько шагов, вторым присесть, а вот третьего он нанести не успел. Сделав движение рукой на себя, словно выкашивая траву серпом, Федор полоснул его фалькатой по ноге и глубоко рассек ничем не защищенную икру, из которой тут же выплеснулась кровь. Взвывая от дикой боли, воин выронил щит, но и не подумал отступать. Вместо этого он подпрыгнул на здоровой ноге и наотмашь рубанул мечом по голове Федора, и морпех от неожиданности не успел защититься. Удар пришелся по касательной, снеся часть плюмажа на шлеме, но голова осталась цела. Чайка с трудом распрямылся и сделал ответный выпад, проткнув тело раненого острым клинком. Тот плотно уперся обеими ногами в землю, словно перестал ощущать боль, затем харкнул кровью и, словно нехотя, завалился на спину.

Поразив врага, Федор отскочил от поверженного тела, прикрылся щитом и бросил взгляд по сторонам. Урбал метким ударом все же расправился со своим противником, не смотря на

то, что в пылу схватки остался без щита. Летис, слегка раненый в руку, яростно атаковал сразу двух иллергетов. Одного он проткнул так же, как и Федор, а второму рассек череп сильнейшим ударом сверху.

– Солдаты! – разнесся крик Магны, вдруг оказавшегося в десяти шагах от друзей. – В атаку!

И седьмая спейра с устрашающими воплями перешла в наступление, отбросив оставшихся в живых нападавших к самому подножью горы. Недавние морпехи Карфагена – хотя, по мнению Федора, бывших морпехов в природе не существует – сплотив ряды, обрушили могучий удар своих клинков на врага, быстро рассеяв его и без того разрозненные порядки. То же самое предприняли остальные спейры по всему фронту, обратив оставшихся иллергетов в бегство. И лишь загнав врага обратно на склон, карфагеняне прекратили преследование. Военачальники посчитали, что враг разбит, предоставив завершение боевых действий копейщикам и нумидийской коннице.

В карабкавшихся вверх по склону иллергетов снова посыпались дротики, разя их наповал. А тех, кто успевал избежать летучей смерти, выпущенной из рук метателей, на своих быстрых конях настигали конные нумидийцы и добивали копьями. Уйти смогли только несколько десятков лучников, засевших на самой вершине горы.

– Чертовы горцы, – выругался Летис, вытирая свой клинок о доспех одного из мертвцов, облаченного в черную кожу, и поглядывая на раненое предплечье, из которого сочилась кровь, – только попадитесь мне еще раз. Уложу не меньше десятка.

– Успеешь, – заметил на это Урбал, – они еще не один раз постараются устроить нам подобное.

Спустя полчаса разгром противника был завершен. Когда по приказу Акрагара все командиры спейр построили своих солдат после боя и провели переключку, подсчитав потери, выяснилось, что больше всего досталось пятой спейре. Она не досчиталась тридцати шести человек, львиную долю которых задавило камнями еще до боя. Основные потери в других спейрах тоже имели причиной камнепад, устроенный иллергетами. А от рук самих горцев погибло не более сотни человек во всей хилиархии. Получалось, что если нападавшим, использовавшим внезапность, удалось убить не больше спейры солдат армии Ганнибала, то сами карфагеняне в этом бою уничтожили целое племя иллергетов. Не меньше пятисот человек. Хотя в момент атаки казалось, что их бегут тысячи. Особенно отличились в бою Летис и Федор, пожалованные за храбрость благодарностью Магны.

Посчитав мертвых и погрузив раненых на телеги обоза, замыкающая колонну хилиархия снова заняла свое место. А спустя пару часов был получен приказ Атарбала становиться на ночлег. Лагерь разбили на холме, вблизи реки, в том месте, где биремы сопровождения смогли подойти к берегу.

На сей раз Федор вместе с Урбалом и Летисом, которому помог забинтовать руку, впервые принял участие в строительстве лагеря. Двадцатой хилиархии поручили возвести западную стену походного лагеря. Они втроем выкопали в каменистой почве несколько метров траншеи и забили в нее выструганные колья, привезенные в обозе. Частокол получился не выше человеческого роста, но это было лучше, чем ничего. Римляне, насколько знал Федор из своего опыта, строили такой же, если лагерь ставился на одну ночь.

Ему эта работа оказалась вполне знакома, а вот его друзья не могли привыкнуть к мысли, что после недавнего боя их еще и заставляли вколачивать колья. Это, похоже, случилось впервые за период их недолгой службы в морской пехоте, временно сменившейся службой в пехоте обычной.

– Наш новый военачальник Атарбал мог бы захватить с собой и строителей, оставшихся в лагере, – бурчал себе под нос Летис, потирая раненную руку.

– Действительно, чего нам здесь корячиться, – вторил ему изможденный Урбал, перехватывая очередной кол и мечтательно добавляя. – Эх, если бы мы плыли сейчас на корабле, вот было бы здорово.

Федор помалкивал, слушая жалобы друзей. У Гасдрубала на строителей, вероятно, имелись свои виды. Наверняка, ему не хватало инженерных частей на все задачи, внезапно возникшие перед воинством Карфагена. Они только вчера вторглись в чужие земли, и у огромной армии уже обозначились более важные направления ударов, а то, в котором проводилась разведка боем силами солдат Атарбала, являлось, скорее всего, второстепенным.

Так они и вкалывали до самой темноты, посматривая на две биремы с морпехами, вытасканные на берег неподалеку от лагеря.

После горячего ужина, приготовленного им в специально выстроенном бараке, солдаты завернулись в свои походные шерстяные плащи и улеглись спать, возблагодарив в очередной раз Баал-Хамона за то, что их ко всему еще не поставили в караул, выпавший на долю третьей и четвертой спейры. Ночь прошла спокойно, и на лагерь, в котором скопилось почти пять тысяч человек, никто не осмелился напасть. Хотя бы на сегодня с иллергетами было покончено.

Глава пятая

Перевалы

На следующее утро Атарбал решил поберечь свои силы и побольше разузнать о врагах, прежде чем двигаться дальше. Вчерашнее нападение научило его осторожности. Он приказал продолжить разведывательные действия малыми силами, не дожидаясь, пока враг устроит новую засаду. Основную часть солдат – три хилиархии, включая кельтов, – он оставил в лагере с обозом. А той, где служил Федор, приказал прошерстить ближайшие к лагерю горы, там нумидийцы еще вчера обнаружили небольшие посты у перевалов, что могло означать только существование селений иллергетов.

Почему он выбрал именно побывавшее в бою и понесшее потери соединение, Федор не понял, но пришел к выводу, что, видимо, героизм арьергарда во вчерашнем бою произвел на их военачальника впечатление. И Атарбал решил выковать из двадцатой хилиархии самое закаленное подразделение своих африканских пехотинцев. Акрагар – командир полка, как называл его Федор, – в свою очередь продублировал боевую задачу подчиненным ему офицерам. И уже непосредственное начальство спейры на рассвете следующего дня довело ее до солдат.

– Нужны разведчики, – заявил Магна, стоя перед строем седьмой спейры, поднявшейся по команде ни свет, ни заря. – Есть добровольцы?

И тут Федор, не ведая причины, толкнувшей его на подобные действия, шагнул вперед. Тотчас рядом с ним оказались Летис и Урбал.

– Отлично! – заявил Магна. – Вы пойдете первыми. Надо скрытно подняться в горы и разнюхать, что замышляют иллергеты, спрятавшиеся за перевалами. Задача понятна?

Все трое кивнули.

– Ты будешь старшим, – приказал Магна, посмотрев на Федора.

Но, после недолгого размышления, командиру спейры показалось, что для выполнения боевой задачи троих слишком мало, и он «добил» новоиспеченный взвод разведчиков еще десятком человек.

Еще толком не рассвело, и речной туман не успел слишком оторваться от поверхности воды, а они уже пробирались меж камней, закинув за спину щиты. Старались ступать осторожно, чтобы ненароком не вызвать осыпь, наделавшую бы много шума. Следом за ними, на расстоянии километра, очень медленно продвигалась вся седьмая спейра, а за ней еще две, готовые в любой момент прийти на помощь, если начнется бой.

– Слушай, Урбал, – обратился Федор к другу, когда они в очередной раз переводили дух за большим камнем, ежась от холода, – а кто живет с той стороны реки? Тоже эти... как их... иллергеты?

Урбал повернулся в том направлении, куда указывал Федор, и ответил, не отрывая взгляда от едва различимых холмов.

– Нет, там еще наша земля.

Скрываясь в складках местности, они беспрепятственно добрались по середине подъема в гору. И там, когда уже рассвело совсем, шедший первым Федор заметил нескольких прятавшихся за камнями людей, одетых в знакомые кожаные рубахи. Жестом подозревая Летиса – Чайка вошел в роль командира разведчиков ненавязчиво и быстро, правда, никто этого и не оспаривал – он указал на три скорчившиеся за камнями фигуры. Часовые, выставленные на пути в горную деревню, похоже, спали.

– Сможешь отсюда аккуратно снять? – спросил Федор вполголоса. – Кинжалом.

Летис смерил расстояние взглядом и кивнул.

– Смогу, но придется немного приблизиться.

– Давай, – распорядился Федор, – только осторожно. Не наделай шума.

Здоровяк Летис, получив приказ, снял щит, выхватил кинжалы и обогнув камень стал пробираться вверх по насыпи. Но не успел он пройти и пяти метров, как из-под подошвы башмака выскользнул камень и сорвался вниз, увлекая за собой небольшой камнепад. Заснувшие часовые встрепенулись, один из них вскинул лук. Тут бы Летису и конец, если бы не его умение бросать кинжалы. Две руки резко разогнулись, и оба горца схватились за шеи, испустив предсмертные хрипы. Третий, узрев разведчиков, бросился бежать вверх по склону, петляя между камнями.

Федор подозвал ливийца-лучника, одного из трех, приданных его отряду, и приказал достать беглеца. Никто в деревне не должен был узнать об их приближении. Ливиец натянул короткий лук, подождал не больше секунды, пока убегающий не покажется на мгновение из-за камня, и выпустил стрелу, с чавканьем вошедшую в спину иллергету. С внешним охранением было покончено.

Разведчики из седьмой спейры беспрепятственно взобрались на перевал, где обнаружили и прикончили еще двоих, спавших под шерстяными плащами горцев. Обоих сморило в уютном уголке, у каменной стены. Никому из них так и не пришлось дотянуться до своего копья, стоявшего рядом.

А, спустившись с перевала, они обнаружили деревню примерно в полукилометре от скал. Не смотря на то, что иллергеты знали о стоявшем в соседней долине войске, они и не думали бежать. Видимо, надеялись на скорую помощь от соседних племен или не собирались уступить свою землю без боя, предпочитая смерть. Но все это сейчас не сильно волновало новоиспеченного командира разведчиков. Федор, Летис и Урбал подобрались как можно ближе к небольшой, погруженной в сон деревне, обнесенной грубо сработанной стеной из камней, и, спрятавшись на холме, внимательно все оглядели. Скорее всего, там находился отряд человек в шестьдесят или восемьдесят пеших горцев. У крепких ворот, закрытых от возможного неприятеля, маячило пятеро. Окажись у Федора за спиной хотя бы одна спейра, он и без подмоги попытался бы управиться сам. Но сейчас он предпочел вернуться за перевал и, оставив на нем двоих наблюдателей, лучника и мечника, дожидаться основных сил. Еще одного бойца Чайка отправил вниз с посланием к Магне, приказав сообщить, что двигается к соседнему перевалу.

Всемером они добирались до него всего лишь около двух часов, да и то потому, что Федор не стал спускаться, а пошел траверсом между двумя соседними вершинами, благо там имелась тропка. Незаметная обычному глазу, она просто бросалась в глаза человеку, привыкшему находить путь в горах. А Федор, в прошлой жизни хаживавший в горные походы, хоть и не считал себя мастером, но уже сталкивался и с «горной болезнью», и с эйфорией после нее: когда стоишь на краю обрыва, а тебе не страшно, даже наоборот – хочется прыгнуть вниз и расправить несуществующие крылья.

Вот и сейчас, несмотря на грозившую отовсюду опасность, Чайка невольно отвлекся на воспоминания, осторожно выбирая место для того, чтобы поставить ногу и не сорваться на небольшой ледничок, видневшийся прямо под тропой. Вопреки размерам, ледник оказался весь испещрен глубокими трещинами, и при падении на него обратно можно было и не выбраться. Никто из африканских сослуживцев Федора не обладал даже простейшими навыками горных путешествий. Не говоря уже о применении ледорубов, кошек и веревок. «Кстати, – подумал вдруг Федор, – местные кузнецы – умельцы что надо. Сложную кольчугу в два счета собирают. А если им показать, что надо выковать, могут ведь и ледоруб с кошками легко изготовить. А веревки в лагере и так есть. Надо бы перетереть с Магной этот вопрос. Глядишь, выпестуем лучшее для своего времени подразделение горных разведчиков».

Сделав короткий привал за камнями, Чайка стал рассматривать своих спутников с учетом только что родившихся в голове мыслей. Одеты они были в стандартную амуницию – туники, кожаные панцири, сандалии на толстой подошве. И никаких штанов. Холодно для гор, однако! Поэтому на ночь воинам полагались шерстяные плащи, на время задания остав-

ленные ими внизу. Сейчас, постоянно перемещаясь по скальным поверхностям, они не то что не замерзли, а даже взопрели. Тем более, что за спиной у каждого висел круглый щит, а на поясе болтался меч. Впрочем, на такой высоте движение – вещь необходимая, иначе быстро замерзнешь и околеешь. «Ладно, – рассудил Федор, вставая, – этот экстремальный выход мы как-нибудь переживем. А там видно будет».

Все солдаты, к удивлению Федора, оказались неплохо подготовленными для горных прогулок, хотя и родились в песчаных холмах Африки. Спрятавшись за валунами, в изобилии разбросанными по склону, Федор оглядел сначала снежный козырек, нависавший над ними, а затем иллергетов, также притаившихся за валунами метрах в ста ниже. И смотрели они, к счастью, тоже вниз, ожидая нападения оттуда. На этот раз часовых оказалось больше – десять человек. Зато на широком перевале, как смог удостовериться Федор, на первый взгляд не было ни души.

Некоторое время он размышлял, не пробраться ли тихо за спинами иллергетов и не посмотреть ли для начала, что там, за перевалом. Но потом решил, что всего не предугадаешь. Тихо может и не получиться. Небольшой камешек под ногой – и они окажутся между двух огней. Так что придется действовать, как обычно.

– Слушай, Летис, задачу, – позвал Федор друга.

Одного лучника он поставил наблюдать за перевалом. Мало ли что могло оттуда надуть. А все остальные осторожно, насколько позволяла сноровка, приблизились со спины к горцам. Но те недаром провели здесь всю свою жизнь. И второй раз за одно утро карфагенянам не выпало удачи нарваться на спящих. Когда их разделяло метров пятнадцать, иллергеты заметили нападавших, подняли крик и схватились за оружие.

Но Летис не зря получил задание. Двое рухнули, сраженные кинжалами. Еще двоих Федор взял на себя и тоже не промазал. Хотя одному угодил не в открытую шею, а в грудь. Но кинжал был хорош, а бросок силен. Так что горца не спасла и кожаная рубаха. Еще двоих убили лучники, прикрывавшие диверсантов. С оставшимися пришлось повозиться – бились они на мечах яростно. Один – здоровенный одноглазый бугай, со шрамом через всю щеку – умудрился завалить двоих ливийцев. Но его самого, в конце концов, зарубил подоспевший Летис. Двоих оставшихся записали на свой счет Федор и Урбал. Оба вышли победителями и не получили ран. Правда, теперь их осталось всего пятеро.

Оглядев убитых и выдернув из мертвых свои кинжалы, карфагеняне направились вверх. Федор приказал идти на перевал, где по-прежнему царили тишина и покой. Но едва они оказались на вершине широкой, похожей на большую проезжую дорогу седловины, как в изумлении остановились и рухнули за ближайšie камни. Снизу, из соседней долины, к перевалу двигалось огромное войско иллергетов, безошибочно узнаваемых по черным кожаным рубахам. Причем в авангарде на этот раз виднелись и всадники, числом не менее трех сотен. Следом за ними двигались воины, облаченные в стеганные куртки серо-коричневых цветов, с почти квадратными щитами, длинными копьями и мечами. Всего солдат в этой армии горцев насчитывалось, в первом приближении, около двух тысяч человек, но конца колонны с перевала не просматривалось. Он терялся за огромной скалой.

– Твою мать! – только и выдавил Федор. – Ничего себе, деревня за перевалом!

Деревня, кстати, имела место. Буквально в двух шагах, домов тридцать. Но там сейчас не было ни души. А те горцы, которых они уделали пять минут назад, вероятнее всего, являлись разведчиками наступавшей армии.

Федор оглянулся налево, пытаясь разглядеть соседнюю деревню, найденную ими два часа назад. Он ожидал увидеть там бойню, но не увидел ничего. Вопреки его опасениям, все там оставалось по-прежнему. То ли Магна решил не нападать на нее, то ли уже захватил селение, но не закатывал праздник по этому поводу. Во всяком случае, отсюда она была видна и выглядела именно спящей горной деревней, хотя рассвет уже давно наступил, и солнце пробива-

лось сквозь рваные облака. Но вот снизу обзор этого гнездовища горцев перекрывала скала, поэтому его обитатели не могли наблюдать приближавшегося войска. Да и солдаты не могли видеть деревню, хотя к ней из долины поднималась извилистая тропа.

Ветер на перевале гулял приличный, и разведчики быстро замерзли, лежа на холодной земле и поглядывая на скопившийся в ложбинах снег.

– Это кто такие? – спросил Федор Урбала, указав на вторую часть колонны, где двигались неизвестные солдаты в серо-коричневых куртках.

– Не уверен, – ответил начитанный Урбал, присматриваясь, – но, вероятно, это васконы. Их земли лежат дальше, за владениями иллергетов. Очень воинственное племя. И если они уже объединились, то нам придется не сладко.

– Догадываюсь, – кивнул командир разведчиков, осторожно поднимаясь. – Ладно, слушай приказ. Встаем и бегом вниз. Не так, как сюда пришли, а прямо по дороге с перевала. Иначе не уйдем. Или, того хуже, окажемся в тылу у армии горцев. Надо быстрее сообщить в лагерь об этих...

Он взмахнул рукой и вдруг увидел, как ближайšie к перевалу конники пришпорили коней. Они могли оказаться здесь минут через двадцать.

– Слушай, Федор, – начал было Урбал, – а что если...

– Все, базар окончен, – оборвал его морпех, – бегом вниз, а то схлопочем по стреле в спину.

И все пятеро, пригибаясь за камнями, бросились вниз. Но предчувствие не обмануло Федора, последним покидавшего перевал, – конники приближались довольно быстро. Стараясь отогнать от себя мысль о том, что лошадь скачет быстрее, чем бежит человек, Федор рысью кинулся догонять товарищей. Перепрыгивая с камня на камень, он успокаивал себя тем, что и коням здесь придется не сладко. Хотя дорога, очень похожая на широкую тропу, здесь несомненно имелась. И вела она в ту самую долину, из которой они сюда поднялись.

Когда они очутились у основания предперевального взлета, Федор обернулся и увидел, как на седловине показались фигурки всадников. Они быстро спустились к тому месту, где лежали их мертвые сородичи, и, огласив долину криками, бросили коней вниз. Теперь уже никого не стоило уговаривать бежать быстрее. Чтобы срезать путь, все карфагеняне свернули с тропы, забравшей сильно в сторону, на насыпь из мелких камешков и запрыгали по ней, как заправские горные козлы. И хотя временами они утопали в камешках почти по колено, насыпь съезжала вместе с ними. Так они добрались почти до самого подножия склона, где Летис и один из лучников упали, зарывшись лицом в камни. Но тут же, не обращая внимания на ссадины, снова вскочили на ноги.

– Быстрее, ребята, – подбадривал их Федор, то и дело оглядывавшийся назад, – еще немного – и мы дома.

Они находились уже почти у подъема на первый перевал, по-прежнему казавшийся пустынным, равно как и долина вокруг них. «Черт, где же наши?» – выругался Федор, разглядывая склоны горы и путь наверх, частично перегораживаемый большой скалой. Всадники иллергетов, числом человек в двадцать, их уже нагоняли.

– Вперед! – заорал Федор. – Бегом за скалу... Приготовиться к бою!

Когда они добежали до скалы, им вслед уже летели стрелы. Они свистели над головами беглецов, словно разозленные осы. Одна вонзилась в щит, прикрывавший спину, и Федор возблагодарил Баал-Хаммона, что тот не оставил его в беде. Правда, морпех тут же сообразил, что здесь, внизу, им уже не убежать от коней.

– Лучники! – заорал он, останавливаясь и выхватывая меч. – Стрелять по врагу! Остальные ко мне!

Все, кто бежал, остановились, как вкопанные. Лучники, развернувшись, открыли стрельбу по приближавшимся всадникам. А спустя мгновение рядом с Федором уже стояли

Летис и Урбал, обнажив фалькаты и прикрывшись щитами. Втроем они образовали короткую шеренгу.

Но когда конные иллергеты приблизились, в ярости размахивая мечами, произошло непредвиденное. Из-за спины приготовившихся к последнему бою друзей в нападавших вдруг полетели саунионы. В одно мгновение все иллергеты оказались поверженными и валялись теперь на земле, пронзенные копьями и стрелами, поскольку по ним «работали» еще и лучники.

Обернувшись, Федор с радостью увидел две спейры африканцев под общей командой Магна, показавшихся из-за скалы. Карфагеняне явно прятались там и давно заметили конных, но не спешили показываться им до самого последнего момента.

– Все живы? – деловито, как будто ничего не случилось, осведомился командир седьмой спейры, разглядывая, однако, не своих бойцов, а больше поверженных всадников. И заключил. – Иллергеты.

– Да, у нас все нормально, – ответил в тон ему Федор. – Только мгновение назад мы уже собрались умереть за Карфаген.

– Не спеши, – успокоил его Магна, приблизившись. – Такой случай вам еще представится. Мне нужны храбрые бойцы. Ну, что там, за перевалом, из-за которого явились эти всадники?

– Там большое войско, примерно тысячи две пехотинцев и пара сотен всадников, – отпартовал Федор, запихивая фалькату в ножны. – Авангард мы убрали, но нас заметили конные. Остальное известно.

– Две тысячи, говоришь, – заметил Магна, что-то прикидывая в уме.

– Да, и еще, – вспомнил Федор, взглянув на Урбала. – Похоже, там не только иллергеты. За ними идут солдаты в серо-коричневых панцирях. Урбал утверждает, что это васконы.

Магна поднял голову.

– Васконы уже здесь? – казалось, он не верил своим ушам. – Что же, если ты прав, это не очень хорошее новости. Но вы успели вовремя. Это главное.

– Они будут здесь очень скоро, – еще больше огорчил его командир разведчиков.

– Эй, Цербал, – позвал своего лейтенанта Магна, – возьми половину спейры и поднимайся на перевал. Как увидишь, что противник втянулся в бой, ударишь ему в тыл.

– Там же деревня, – напомнил Федор.

– Она уже наша, – усмехнулся Магна. – Твой посыльный прибыл вовремя.

– Я с половиной своей спейры и спейрой копейщиков останусь здесь, за скалой. Буду ждать врага, – продолжил Магна. – А вы бегите в лагерь и доложите Акрагару или Атарбалу о приближающемся войске. Я уверен, они пришли для того, чтобы уничтожить нашу базу, и надеялись застать нас врасплох. Но благодаря тебе это им не удастся.

– А потом? – спросил Федор. – Вернуться сюда?

– Оставайся в лагере, – приказал Магна и, увидев недовольное выражение лица командира разведчиков, добавил. – Думаю, мы примем только первый бой и скоро тоже вернемся. Если Атарбал не решит иначе.

Приказ есть приказ, и Федор, велев соратникам следовать за собой, устремился в лагерь. Туда они прибыли спустя еще час. К этому моменту в ущелье уже, вероятно, завязался бой. Решив не нарушать субординацию, хотя очень хотелось, Федор разыскал Акрагара, сообщив ему о приближающемся войске иллергетов и васконов. Командир полка затребовал подробности. Узнав, как действовали разведчики, которым удалось осмотреть оба перевала и уйти от погони, он сообщил, что их наградят.

– Разрешите нам вернуться в строй спейры? – попросил Федор, польщенный похвалой, но больше стремившийся помочь своим. – Там наверняка уже идет бой.

– Нет, – отрезал Акрагар, уже облачавшийся в свои боевые доспехи с помощью слуги. – Твоя спейра скоро вернется. Мы отправим в помощь ей кельтов. А когда они войдут в лагерь, встретим наступающего противника метательными машинами.

Уяснив план, поведенный Акрагаром, снизошедшим до подчиненного, Федор с товарищами занял место за частоколом, рядом с метательными машинами, уже собранными и развернутыми в сторону наступающего врага. Скоро из ворот показалась и легким бегом устремилась вверх по склону спейра кельтов, но, учитывая, что врагов насчитывалось в десять раз больше, это был лишь отвлекающий маневр. Их обогнала сотня конных нумидийцев. И, тем не менее, Федору стало легче на душе – бойцов из его спейры погибнет меньше. Видно, главнокомандующий поддержал план Акрагара заманить наступающих иллергетов под огонь метательных машин, прежде чем вступить в решающую схватку.

В лагере, тем временем, все готовились к битве. Африканцы и кельты разделились по своим хилиархиям и заняли места в соответствии с приказами. Африканцы, копейщики и лучники – вдоль частокола. Оставшиеся мечники и кельты построились в глубине лагеря по спейрам, ожидая сигнала к контратаке.

Противник не заставил себя долго ждать, и скоро Федор увидел, как его седьмая, сильно потрепанная, спейра и копьеносцы из первой отступают, сдерживая натиск врага. Удар кельтов и нумидийцев отсек их от противника и позволил отойти к лагерю, где их впустили сквозь открытые ворота. Следом показались отступающие кельты, умудрявшиеся при этом рубить наседающего противника на части, устилая путь отступления трупами. Последними в ворота лагеря ворвались нумидийцы, изрядно потрепавшие противника своими атаками. Глядя, как лихо чернокожие африканцы, у которых из доспехов и вооружения имелись только туника, щит, копье и два дротика, носились из конца в конец ущелья, нанося разящие удары неповоротливым иллергетам, Федор оценил их по достоинству. Эти всадники не использовали ни удил, ни поводьев и скакали даже без седла, словно индейцы. И, тем не менее, они ловко терроризировали противника, заставляя его на ходу менять план наступления.

Конечно, для фронтального боя с тяжеловооруженной конницей они не годились, но в роли застрельщиков и догоняющих были бесподобны. Когда нумидийцы, изрядно разозлив наступающих иллергетов, вернулись под защиту частокола и метательных машин, горцы уже буквально висели у них на хвосте. Но их ждали.

Не успели конные иллергеты приблизиться к стенам лагеря, опередив колонну пеших, как воздух рассекла команда, и им навстречу устремился десяток каменных ядер, мгновенно превратив в кашу первые ряды наступающих. Второй залп усилил впечатление Федора, с интересом наблюдавшего за этой войной машин и людей. Машины побеждали. Тем более, что лагерь стоял на холме, а наступающие сгрудились на обширной площадке прямо под ним. Артиллеристам даже не было особой необходимости целиться, поскольку наступающие иллергеты заняли все свободное пространство от частокола до ближайших скал. Исходя из того, что он уже видел, Федор решил, что здесь собралась добрая половина армии горцев.

И, тем не менее, в ярости первые ряды иллергетов достигли частокола и бросились на штурм. Они прыгали в ров, затем лезли наверх, цепляясь руками за осыпавшуюся землю и бревна, а обороняющиеся, в числе которых находились Федор, Летис и Урбал, просто рубили эти руки и головы сверху.

Обстрел, тем не менее, не прекращался. Он велся навесом, через головы солдат первых шеренг нападавших. Метательные машины прекратили свою сокрушительную работу лишь после того, как ворота открылись, и сквозь них по врагу ударили сразу две хилиархии – кельты и африканцы – быстро отогнав врага от стен лагеря. После часа такой мясорубки карфагенянам удалось выкосить подчистую почти всех иллергетов и вступить в бой со второй армией, солдаты которой оказались действительно васконами.

Они бились храбро и держались долго, уничтожив много финикийцев, но последних все же оказалось гораздо больше, чем рассчитывали встретить нападавшие. Федор и его друзья, снова вставшие в ряды седьмой спейры, приняли участие в этом бою, умертвив немало васконов. Сначала, после ожесточенной стычки, они отбросили васконов в долину, а затем обратили в бегство, преследуя их до самого перевала и перебив почти всех. А потом Атарбал пустил по следу отступающего врага нумидийскую конницу, так что уйти удалось лишь немногим.

В том бою погиб Цербал, и Магна сделал своим помощником Федора, проявившего в этот день всю свою удаль. А главнокомандующий корпусом африканцев, выяснив, что иллергетам помогали васконы, на общем сборе победившего войска карфагенян объявил:

– Васконы выбрали свою судьбу. Мы идем в их земли.

Но финикийцам пришлось потратить еще не одну неделю на усмирение оставшихся иллергетов и захватить немало горных крепостей и деревень по левому берегу Ибера, прежде чем они вступили во владения самих васконов, лежавшие в среднем течении реки. Теперь отряд африканцев был усилен еще двумя хилярхиями, которые Ганнибал, узнав об успехах на этом направлении, разрешил снять с других, где сопротивление оказалось менее сильным. Кроме того, Атарбалу прислали еще пятьсот тяжеловооруженных испанских всадников и пять осадных орудий – высоко в горах у васконов имелись укрепленные города.

Предсказание Урбала сбылось. Ганнибал, к тому моменту уже почти взявший Илерду и окруживший Тарракон, прежде чем идти дальше на Рим, похоже, решил захватить все земли по эту сторону Пиренеев от моря и вплоть до самых истоков Ибера. А направление удара, на котором находились африканцы Атарбала, из второстепенного неожиданно сделалось главным.

Глава шестая

Леха Ларин и скифы

Дождь в Крыму – явление редкое. Хотя иногда и случается. Как сегодня утром. В такие дни Леха Ларин любил сидеть у выхода из юрты и смотреть, как стекают теплые капли по крепким «елочным» листикам можжевельника, росшего в двух шагах от порога. Вода струилась ручейками по траве и быстро пропадала, впитанная соскучившейся по влаге землей. А Леха все сидел и вдыхал тяжелый запах можжевельника, излечивающий, говорят, многие болезни.

Беспокоиться ему было особенно не о чем. Соседние племена пока вели себя мирно и проблем воинам его благодетеля Иллур не создавали. Крупных военных походов ни на восток, к Боспорскому царству, ни на юг, к Херсонесу, где плотно обосновались хитроумные греки, скифские племена давно не предпринимали, а все остальные земли в Крыму находились в их власти. Сиди себе в юрте, да радуйся жизни. Вместе с наложницей. Либо скачи на быстром коне по степям, заставляя хвататься за луки беспокойных соседей.

Вспомнив о Херсонесе, Леха немного загрустил. Последний поход на этот крупный греческий город, с которым скифы то торговали, то воевали, оказался печально памятным. Незадолго перед ним Иллур сделал его начальником десяти скифов-разведчиков. Понятное дело, конных разведчиков, поскольку пешие скифы в природе не встречались. Вместе с ними Леха должен был выступать впереди войска, разыскивая неприятеля раньше, чем тот сам найдет скифов из племени Иллур, служившего местному царю Палаку¹⁰ и совету старейшин. Свой первый поход в качестве десятника, как он сам себя называл, Леха провел бодро, но безрезультатно. Греки, отсиживаясь за крепкими стенами Херсонеса, отбили все попытки скифов взять город. Да и попытки эти, надо сказать, являлись не очень удачными.

Воины Иллур, конечно, рассеяли греческую конницу в поле, но вот опыта захвата укрепленных городов у них было маловато. Давно не практиковались в этом деле. Тем более городов, оцетинившихся метательными орудиями, что превращали своими каменными ядрами скифских храбрецов в окровавленные мешки костей и мяса. С моря тоже ничего значительного предпринять не удалось, хотя и имелись у скифов собственные корабли, да только в бою с греками-мореходами они все равно сравниться не могли. Не хватало выучки экипажей, да и самих боевых кораблей тоже не доставало. Скифы все больше развивали морскую торговлю да строили зерновозы и прочие торговые суда. Неплохо, надо сказать, строили, но для серьезного ратного дела они все равно не годились. Вот и получалось, что одна триера из флотилии Херсонеса с обученными гребцами успевала пустить на дно залива не меньше трех двухрядных скифских судов, чьи команды надеялись, в основном, на лучников, не дававших, однако, на море такого же эффекта, как на суше.

И даже, несмотря на героические усилия бывшего морпеха российской армии Лехи Ларина, попытавшегося подойти ночью с моря на нескольких кораблях и запустить подожженный брандер в самую гавань Херсонеса, чтобы спалить к чертовой матери весь этот греческий флот, ничего не получилось. Греки его заметили даже ночью и потопили всех, кто пытался вместе с Лехой сотворить сию каверзу. Сам автор идеи еле доплыл до берега живьем, прыгнув с протараненного корабля в море и чудом увернувшись от стрел. Херсонес стоял незыблемо, и сильный греческий флот продолжал охранять его с моря, не позволив скифам блокировать город со всех сторон. Припасы и помощь продолжали свободно поступать в город морем из других греческих колоний. В конце концов, Иллур признал поражение и снял осаду.

¹⁰ Имя не связано с реальным действующим лицом того времени.

С той поры минуло почти полгода. Теперь Лехе, в бессильной злобе погрозившего Херсонесу с перевала кулаком на прощанье и обещавшему вернуться, подчинялось уже тридцать воинов. А Иллур, после внезапной смерти своего престарелого родителя, местного царька Акчея, вошел в совет старейшин, заняв по праву постоянное место своего предка.

По местным меркам Иллур являлся крупным вождем. У него было много солдат и рабов, несколько кочевий для выпаса скота на севере полуострова. Как вождь, он мог бы жить в шикарном каменном доме в новой столице, управляя жизнью племени оттуда. Но не жил. Более того, не любил всех этих излишеств культурной жизни, незаметно спеленавших волю кочевников. За подобное кредо Леха его уважал.

Этот бородатый скиф больше любил просторы степей, быстрых коней, горячую схватку и верный лук. В нем не проглядывало спокойствия царя и изнеженности старейшин, разменявших пятый десяток и грезивших только о покое, хотя Иллур тоже был немолод. Ему недавно стукнуло двадцать восемь. А при кочевой жизни, полной опасностей, совершенно Иллур не страшивших, редко кто среди воинов доживал до таких лет. Но кочевая жизнь в пределах полуострова уже не кишела опасностями, а за его пределы с большим войском скифы выходили довольно редко. Во всяком случае, Леха точно не выходил. Правда, он был наслышан, что в степях к северу кочуют какие-то сарматы и что эти кочевники находятся сейчас в силе, не уступая ни в чем скифам. Но в Крым залетные гости пока не вторгались и потому Леха о них вообще ни вспоминал. И здесь событий хватало.

«Ну, теперь будет дело», – решил Леха, узнав о том, что Иллур вошел в совет, решавший судьбу народа вместе с царем Скифии. И не ошибся.

Иллур, до того появлявшийся в совете лишь изредка, заменяя отца, немедленно начал мутить воду. Он призывал всех скифов объединиться для нового великого похода, чтобы память предков, перед которыми в древности склонялись далекие Мидия, Сирия и даже Палестина, вновь стала явью. Он внушал им, что копыта скифских коней снова могут топтать берега далекого моря. Но, начать нужно с близкого. С того, чтобы взять под свой контроль весь благодатный полуостров, прогнав с него жадных до чужих богатств греков вместе с их союзниками.

Царь и старейшины, уже много лет привыкшие жить в относительном покое на полуострове, где удобно обороняться от внешних врагов, и не помышлявшие о расширении скифских владений до прежних границ, пришли в трепет. Ведь Иллур предлагал заново покорить огромные территории, от Персии до Византия, вокруг ближнего моря и вглубь от его берегов. Снова дойти до самого Истра¹¹, где еще теплились отдельные скифские поселения. А может быть, и двинуться дальше.

С тех пор, когда все это принадлежало грозным скифам, кочевая империя сильно уменьшилась в размерах. В их руках остался лишь Крым, да и то не весь, а сверх того часть земель в дельте Борисфена¹². Скифы стали оседлыми, развили в Крыму ремесла, освоили морскую торговлю. Среди них народилось немало кузнецов, оружейников, золотых дел мастеров и ювелиров, поделкам которых дивились даже выдавшие виды заезжие мастера из греческих полисов¹³. А их здесь крутилось немало.

Недавние кочевники, еще вчера не мыслившие себе существования без коня и вольных степей, научились строить корабли и большие города. Чего стоила только столица – не так давно возникший Неаполь Скифский¹⁴, хорошо укрепленный город, где царь и многие из скиф-

¹¹ Одна и та же река Дунай именовалась в нижнем течении Истром, а в среднем – Данубием. Конечно, скифы тоже именовали их по-своему. Но для ясности в тексте приведены эти иноземные для них названия. Дальше по тексту используется тот же подход в отношении греческих и даже более поздних римских географических названий различных мест.

¹² Днепр.

¹³ Полис – так греки называли свои города-государства.

¹⁴ Неаполь Скифский – так называли этот город греки. Как его называли сами скотлы (скифы – тоже греческое название) неизвестно. К слову, считается, что скотлы, – самоназвание. Однако скотлами те же греки часто называли «скифов-пахарей».

ских вождей обитали не в юртах, а во вполне «современных» домах, устроенных на греческий манер с портиками и колоннами. Им комфортно жилось здесь и совсем не хотелось сниматься с обжитого места только для того, чтобы возродить память предков и снова испытать ужасы затяжной войны. Но старейшины были скифами по рождению, они слушали Иллура, и его горячие речи находили в их заснувших сердцах отклик. Слушал его и царь Палак. И скоро в воздухе запахло грозой.

Сам Леха на жизнь не жаловался. Оказавшись каким-то чудом в этом времени вместе со своим другом по имени Федор Чайка, он быстро здесь приспособился. Первые дни вспоминались, конечно, с ужасом – унесенные в море на утлой лодчонке, они оба угодили в плен к карфагенянам, приплывавшим в Крым по торговым делам. Сначала заезжие африканцы, не разобравшись, намяли им бока – не без вреда для себя, конечно, не зря же рядовой Леха Ларин и сержант Федор Чайка только что отслужили срочную в морской пехоте.

Потом связали и долго держали в трюме своего военного корабля, как пленников, собираясь продать в рабство. Как назывался тот корабль, Леха поначалу не запомнил. А зачем? Здоровая посудина, метров пятьдесят в длину, с пятью рядами весел и парой мачт, утыканная метательными машинами. Она Лехе поначалу, ясное дело, не очень приглянулась. Он в своем родном времени плавал на настоящих десантных кораблях, те покруче смотрелись. Но после позорного штурма Херсонеса бывший рядовой морпех оценил боевые возможности этих кораблей со странным названием «квинкерема». Они легко справлялись со всеми противниками помельче, даже не прибегая к таранному удару, – метательных машин хватало.

Будь под командой Лехи хотя бы пяток таких шаланд с обученными экипажами, ох, уж он бы показал этим грекам, где раки зимуют. Такого шороху бы навел, век бы вспоминали морскую пехоту. Хотя, кто он таков был в своем родном времени, теперь не знал никто, кроме Федора. А тот уплыл с карфагенским купцом по имени Магон, оказавшимся, к слову, какой-то важной птицей. Развели их пути-дороги. Быстро развели, оглянуться не успели.

Еще час назад оба были пленниками, предназначенными в подарок его нынешнему покровителю Иллуру, скифскому другу заморского купца Магона, в обмен на кое-какую услугу. Для этого даже с берега в Неаполь Скифский притащили. Но не сложилось. Федор ощутимо пнул вождя ногой во время «осмотра», а скифский предводитель обиделся и отказался принять в подарок двух крепких рабов. Хорошо еще, что не прирезал тут же. Хотел, но Магон не дал. А на обратной дороге, когда снова их везли на корабль, случилось нападение одного из враждебных Иллуру племен. Перебили налетчики почти всех охранников Магона и скифский отряд сопровождения. Тут бы Лехе с Федькой и бежать, но для них все срослось по-другому. Выиграло чувство взаимовыручки, вроде, как на них тоже напали. И вместо того, чтобы дать деру, они оба в драку встряли и случайно спасли жизни своим врагам.

Леха – скифскому вождю Иллуру, а Федор – купцу карфагенскому. Вот и пришлось им расстаться. Иллуру Леху к себе взял и отблагодарил за спасение по-царски. Юрту подарил, наложницу восточную, скота дал с пастухами, чтобы было с чего жить, и даже сделал кровным другом. А потом и с карьерой в армии помог. Так что теперь у Лехи все устроилось совсем неплохо. И жилье имелось, и доходы, и женщина, и карьера в рост пошла, даже масса новых родственников после обряда кровного породнения в племени образовалась, так что он даже не успевал вспоминать про свою прошлую жизнь в двадцать первом веке.

Как ни странно, Леха не сильно удивлялся тому, что оказался здесь, с кем не бывает. Привык быстро. Грустил только, что с родителями больше не увидится. А что там у Федора в жизни теперь происходит, жив ли вообще, он не ведал. Но надеялся, что все путем у сержанта, и когда-нибудь они все-таки свидятся. Приведет их судьба к одному перекрестку.

живших по берегам Днепра. И под этим названием многие историки видят не самих скифов, а славян, обитавших по соседству со скифами.

Дождь скоро закончился. Выглянуло солнце, и над прелой землей стал подниматься водяной пар. Невдалеке послышался стук копыт, и Леха вылез из своего убежища, чтобы посмотреть, кто это пожаловал к нему в гости. Наложница Зарана, что жила с ним в юрте, тоже хотела было наружу податься, интересно ей стало. Но Леха приказал не высовываться. Мало ли кто мог по делам приехать.

Леха встал во весь рост, одернул куртку и штаны, заправленные в мягкие кожаные сапоги, стянутые специальными завязками на щиколотке. Привычно провел рукой по шевелюре, а затем почесал пальцами небольшую бородку, отпущенную на местный манер, разглядывая подъезжавшего всадника. Это оказался один из тяжеловооруженных конников Иллур, исполнявший роль посыльного, в панцире, с мечом, луком, колчаном и даже топориком.

Доскакав до юрты командира разведчиков, он осадил коня, но слезать не стал.

– Алл-лэк-сей, – привычно, но не очень приятно для слуха Лехи, пропел его имя посыльный. Никак иначе его имя скифы произносить почему-то не хотели, – вождь Иллур ждет тебя сегодня вечером у себя в юрте. Хочет говорить.

– Хорошо хоть не прямо сейчас, – кивнул Леха. – Передай, буду.

Скиф хлестнул коня нагайкой и ускакал, глухо стуча копытами по тяжелой от недавнего дождя земле. А Леха прищурился на солнце, потянулся, скользнул взглядом по стоявшим в сотне метров скученным юртам его солдат, напоминавшим небольшую деревню. Затем по табуны лошадей, рядом с которыми крутился пастух из его подневольных людей. Посмотрел на близлежащие холмы, переходившие на востоке в горную гряду. Набрал полную грудь можжевеловых запахов и нырнул обратно в командирскую юрту. «До вечера далеко, – подумал Леха, подбираясь поближе к лежавшей на ковре и подушках Заране, – успею еще».

Длинноволосая девушка восточного вида, по внешности – лет двадцати, уловив намерения своего хозяина, улыбнулась, но немного отодвинулась в сторону. Видно, ей не очень хотелось. Зато Лехе вдруг так приспичило, что мочи терпеть не стало. Слава богу, Зарана была женщиной подневольной и не могла отказать, сославшись на головную боль. Хотя Леха обходился с подарком Иллур вполне тактично, сильно не неволил, работать не заставлял – и без нее хватало у него работников – и вообще жил с ней уже полгода почти как с женой в гражданском браке. Только при желании он мог эту жену продать или подарить кому-нибудь. А себе завести новую, помоложе. Только Леха не торопился, эта ему тоже нравилась, а жить сразу с кучей женщин он как-то не привык. Пока.

Сняв с себя длинную рубаху, Леха быстро освободился от сапог, штанов, упал на живот и медленно подполз к девушке, смотревшей на него с опаской, но в то же время игриво. Не маленькая уже, отлично понимает, чего вдруг так захотелось бравому солдату. Да и сама, когда в настроении, такая затейница!

Без лишних слов Леха стянул с Зараны недлинное, похожее на рубаху платье и всякие исподние подвязки, повалил на спину. Провел ладонью по груди, ощущая исходивший от нее жар, а затем по очереди стал облизывать соски. Девушка сначала напряглась, но долго, как водится, не смогла сопротивляться таким проявлениям чувств, расслабилась и обняла Леху за шею. Даже притянула к себе, одарив поцелуем. Но Леха еще некоторое время ласкал ее руками и языком, и лишь когда Зарана полностью отвлеклась от своих беспокойных мыслей, отдаваясь хозяину, вошел в нее.

Леха сегодня неистовствовал, и они предавались страсти долго. Много раз, с небольшими перерывами для того, чтобы набраться сил и слегка перекусить фруктами, в изобилии лежавшими на подносе в углу. Ничему другому Леха сейчас уделять внимания не хотел. Зарана, казалось, позабыла свои страхи, постанывая каждый раз от удовольствия. Но когда Леха, наконец, иссяк, полежав немного рядом с ним, снова забила в угол. «Нет, – решил Леха, поймав ее взгляд, опять ставший задумчивым, – что-то с бабой не так».

– Ты часом не заболела, Заранушка? – поинтересовался он, называя ее по-своему, по-русски. За полгода совместной жизни морпех обучил ее азам родной словесности, не взирая на то, что Зарана хорошо говорила и по-скифски. – Может, съела чего несвежего?

– Нет, – тряхнула головой наложница, так, что ее длинные волосы закрыли лицо с раскосыми глазами.

– Тогда чего грустишь? – засомневался Леха. – Так хорошо было.

– Хорошо, – согласилась Зарана и добавила, – мне с тобой хорошо. Как ни с кем.

– Ясное дело, – подтвердил Леха. – Я парень не промах.

Зарана опять замкнулась. А Леха откусил яблоко и, почуввав неладное, обернулся в угол, из которого на него смотрели два озадаченных глаза.

– Ну, чего случилось-то? – не выдержал Леха. – Говори толком.

– Мне сегодня приснился сон, – начала издалека Зарана. – Я сидела в нашей юрте, вот как сейчас, и меня посетила Великая Богиня, и с ней была богиня Табити¹⁵.

– Ну, и что они тебе сказали? – Леха не сильно заморачивался насчет местных божеств, да и вообще насчет богов, не верил он в эти сказки. От природы Леха уродился атеистом и не сомневался только в собственных силе и удаче. Но скифам верить в своих богов не мешал, да и сам нередко посещал их святилища, как ни крути, а он теперь принадлежал к этому племени.

На людях Леха местных богов поддерживал – и Великую Богиню, и хранительницу семейного очага Табити, и Ойтосира, бога силы и красоты, и даже морского бога по имени Тамима-садас – но дома по-прежнему предпочитал быть атеистом.

– Они сказали, – наконец решила Зарана, – что скоро пошлют нам ребенка.

– Когда? – уточнил Леха, доедая яблоко.

– Когда закончатся теплые дни, – выдохнула Зарана.

И только тут до Лехи дошел смысл сказанного. Он даже чуть не подавился яблоком, натужно закашлявшись.

– Что ты сказала? – чуть не вскрикнул он. – Повтори.

На лице Зараны появился испуг.

– Боги пошлют нам ребенка, – пролепетала она, забившись еще дальше в угол.

– Вот те раз, – ошарашенный Леха опустил руку с огрызком и устался на свою наложницу, – это что же получается, что я скоро стану папашей? Ты поэтому такая смурная с утра?

Зарана не все поняла из сказанного – в своей юрте говорил Леха только по-русски – но кивнула. Не в силах справиться с нахлынувшими чувствами, Леха быстро оделся и вылез наружу, буркнув: «Пойду, пройду». По привычке, оставшейся от прошлой жизни, очень захотелось курить, а еще лучше выпить, но с этим Леха решил повременить. Скоро к Иллуру ехать, а он насчет неуместного питья строг. Видать, о серьезных делах говорить звал, раз бойца прислал. Да только новость о беременной наложнице разом все заслонила.

Жаркий день уже клонился к вечеру, Леха и не заметил, как он пролетел, – одно сплошное удовольствие. «Было удовольствие, – напомнил себе Леха, направляясь к табуну лошадей, щипавших неподалеку траву, – а теперь будут одни заботы».

Надо сказать, он оказался немного не готов к такому повороту. Нет, секс – это понятно, приятно и для здоровья всегда полезно. Но дети? Такого с ним еще не случалось. Дети меняли все. Ему казалось, что дети ставят крест на личной жизни, а эта жизнь у него еще только началась. Но вдруг он вспомнил, что Зарана ему не жена, а просто наложница. Девчонка для утех, которую можно просто продать или подарить кому-нибудь. А вместо нее взять новую наложницу или сразу двух. По местным законам это считалось нормальным. Но Леха не спе-

¹⁵ Женское божество – Великая Богиня или Мать Богов, – было особым объектом почитания у скифов. Табити, – божество семьи, домашнего очага. Считалось покровителем скифов.

шил менять ее на другую – как-то за полгода попривык к этой несвободной женщине, давно привезенной Иллуром откуда-то из-за Кавказских гор.

Подойдя к табуну, Леха приметил двух лошадей с жеребятами. Долго смотрел на них, а потом подошел к ближней кобыле, черной, как смоль. Кобыла его подпустила, признав хозяина. Морпех обнял ее и потрепал по холке. Лошадь стояла смиренно, словно все понимала, лишь косила на Леху мудрым взглядом.

«Да и ребенок ведь мой, – озадачился вдруг Леха, глядя в глаза кобыле, – родится невесть где, и кем он там будет? Ясное дело, рабом, раз от рабыни рожден. А здесь я за ним пригляжу, может, воином сделаю. Работать Заране опять же, не надо, средства к существованию добывать».

Простояв так минут десять, он отошел от кобылы, обернулся в сторону юрты и громко произнес по-русски, напугав пастухов:

– Ладно, пусть рождается.

Спустя полчаса он уже сидел на своем боевом коне, одетый по всей форме. Являться по вызову вождя всегда следовало в полной амуниции, чтобы можно было сразу отправляться в поход, если только Иллур особо не оговаривал, что предстоит дружеский пир или праздник. На этот раз ничего не уточнялось, но Леха пребывал в уверенности, что пока это только совет. Однако, традиция есть традиция.

Повеселевшая Зарана помогла надеть ему доспех и принесла короткий меч-акирак в ножнах, обложенных золотыми пластинами. Леха прикрепил его к поясу, рядом с боевым топориком. Нагнулся, поцеловал девушку и, хлестнув коня, погнал его во весь опор к стойбищу Иллур, что располагалось всего в получасе хорошей скачки. За ним устремилось еще пять конных скифов из его отряда.

Глава седьмая

Греческий проект

Стойбище, где Иллур жил большую часть времени, представляло собой целый кочевой город из доброй сотни юрт и размещалось на холме. Внизу, под присмотром пастухов, паслись козы и овцы. Приближаясь, Федор рассмотрел чуть поодаль огромный табун, а за ним еще одно стойбище, уже освещенное кострами. Теплый южный сумрак быстро сгущался.

Недалеко от богато украшенной юрты Иллур, что стояла на самой вершине холма, тоже горел костер, над которым на огромном вертеле жарился кабан. Рядом виднелся огромный котел с каким-то варевом, источавшим приятный аромат. А в метре от него был расстелен ковер, где на специальной подставке выстроились искусной работы кувшины с вином, изящные широкие чаши из чистого золота и поднос с фруктами.

Однако, кроме вождя, слуги, что заведовал приготовлением мяса, и еще одного, незнакомого Лехе пожилого бородатого скифа, у костра никого не замечалось. Морпех, ожидавший увидеть настоящий военный совет, где обычно присутствовали все мелкие вожди, служившие Иллuru, слегка удивился столь немногочисленной компании. Но раз уж так случилось, значит, скифский вождь действительно хотел обсудить с ним что-то важное, но предназначенное не для всяких ушей.

Отдав коня одному из своих бойцов, он приказал им дожидаться в специальной юрте для гостей, куда им поднесут вина. Туда его бойцов проводили всадники самого Иллур, крутившиеся неподалеку. Вообще, стойбище Иллур напоминало скорее военный лагерь, да оно им, по сути, и являлось. Стоило вождю только крикнуть, как в седлах сразу же могло оказаться несколько сотен всадников. А наличие многочисленного скота вокруг ничуть не мешало, ведь в большинстве своем скифы, как успел узнать Леха за прошедшие полгода, все свое таскали за собой, включая коз, овец и лошадей. Появились среди них, конечно, и землепашцы, но эти пока считались вторым сортом среди местных граждан. Всем, как и повсюду, заправляли воины.

– Здравствуй, Ал-лэк-сей, – приветствовал, приобняв своего кровного брата, Иллур, облаченный в украшенный золотом панцирь, – садись поскорей к костру. Мясо скоро будет готово. А вино у нас никогда не переведется.

– Это хорошо, – кивнул Леха, поклонился незнакомцу с седой бородой и сел на небольшой коврик, постеленный прямо на землю у костра. – Ты звал, я пришел.

– Познакомься, – представил старца Иллур, – это наш мудрый Фарзой, советник моего отца, а теперь и мой.

До сих пор Леха никогда не бывал на совете старейшин – по рангу не положено. Его вершиной был совет мелких князьков, подчинявшихся лично Иллuru. И морпех просто не знал, как себя вести с местной знатью. Ведь, похоже, именно к ней принадлежал этот задумчивый старец в длинном сером одеянии. Его грудь украшала витая золотая цепь, на которой висела бляха с вычеканенным орлом. Птица сидела на ветке, сложив крылья и грозно взирая сверху вниз на невидимую добычу. Но что-то, тем не менее, требовалось сделать. Поэтому Леха просто встал и слегка поклонился.

Фарзой, смеривший его пронзительным взглядом, на мгновение блеснувшим сталью, просто кивнул в ответ, и Леха снова уселся на коврик в ожидании разговора и ароматного мяса. Ни то, ни другое не заставило себя долго ждать.

«Интересный дедушка, – составил первое впечатление о Фарзoe морпех, поневоле учившийся разбираться в людях, – такой прирежет и не поморщится. Видать, именно таких и берут в советники к олигархам».

Скоро кабан действительно был готов, и над костром поплыл аромат сочного мяса, тогда слуга начал отрезать от него самые вкусные ломти и бросать на широкое блюдо. Он же насыпал

из котла на другое блюдо странный гарнир, с виду похожий на плов с овощами, наполнил чаши вином и, сделав свое дело, удалился на приличное расстояние. Встав так, чтобы не слышать разговора, но вовремя заметить, когда кубки Иллур и его гостей окажутся пустыми, а мясо на блюде закончится.

Надо сказать, что Леха все еще не мог отойти от недавних новостей, и его пока что не сильно интересовало, зачем его позвал Иллур. Поэтому, размышляя о своем, он с удовольствием – весь день не ел, как-то между делом забывалось – откусил кусок сочного мяса, подцепив его кинжалом. Насыпал руками в рот закуски, походившей по вкусу на тушеные овощи вперемешку с какими-то бобами, и запил красным вином. Благодарный желудок заурчал, принимая горячую пищу.

– Фарзой расспрашивал меня о нашем последнем походе на Херсонес, – начал Иллур, евший мясо и говоривший одновременно, что Леху несколько не смущало. – И я рассказал ему о том, как ты пытался проникнуть в гавань. Фарзой сказал, что ты молодец, несмотря на то, что нам это не удалось.

Федор бросил благодарный взгляд на молчавшего до сих пор советника, взявшего себе самый маленький кусок мяса и лишь слегка пригубившего вино. По всему выходило, что для него это деловое совещание, а не обычная пирушка. Зато Иллур и его кровный брат ни в чем себе не отказывали.

– Фарзой сказал, – продолжал Иллур, – что если бы у нас был большой военный флот, то мы смогли бы одолеть Херсонес.

– И не только Херсонес, – вставил слово Леха, отпив изрядный глоток вина, – с большим флотом можно ходить и к дальним берегам. Да только кроме флота нужны еще метательные машины, как у греков. Без них ни флот не поможет, ни крепостных стен не взять. Только зря народ положим.

– Фарзой спрашивал о тебе, – вдруг сказал скифский вождь.

– Что именно? – Федор перевел взгляд на все еще молчавшего старика, потихоньку цедившего вино. Такой способ общения его немного нервировал. Леха привык общаться попростому.

– Он сказал, что ты странный, – заявил Иллур. – Не здешний.

– Ясное дело, не местные мы, – ответил Леха, откусывая очередной кусок мяса и запиная в рот пальцами порцию тушеных овощей. И добавил. – Да какая разница на ком доспех. Главное, чтобы воевал хорошо, верно?

– Откуда ты? – вдруг прервал свой обет молчания Фарзой, и его тихий голос показался Лехе шепотом шамана. Он стелился и тек, словно ручеек, стараясь проникнуть в самую душу.

Леха даже жевать перестал, правда, ненадолго. Обдумывал, как бы ответить этому въедливому старику. Не рассказывать же сказки, что угодил во временной провал. Вышел с другом в море на лодке из Туапсе, попал в шторм и угодил в прошлое, за две с лишним тысячи лет от своих дней. Правда, оказался посреди все того же моря, на пути каравана карфагенских судов. И так получилось, что попал к ним в плен. Это являлось чмстой правдой, но Фарзой все равно бы не поверил. А остальное Иллур знал. Но даже он не допытывался сильно, из каких краев сюда занесло бывшего морпеха Леху Ларина, удовлетворившись ответом, что «прибыл с севера».

Иллур действительно больше интересовали личные качества бойца, а кто он от рождения его мало трогало. Главное, что теперь он самый настоящий скиф, даже по крови. А свои личные качества Леха показал быстро. И когда Иллур случайно от смерти спас, и когда начал «учиться на скифа», не зная ни одного слова на местном наречии. Характер у Лехи был что надо, боевой. Он хоть на коне достойно скакать и не умел, да из лука с обеих рук стрелять, чем и отличался каждый в этом племени, зато быстро начистил физиономию не одному из

умудренных опытом скифов, пока те пытались научить дорогого гостя уму разуму. Так что зауважали его почти сразу.

Поэтому Леха решил, что придется темнить поневоле. Не было у него верного ответа для Фарзоя, а потому он прожевал очередной кусок мяса и сказал то же, что когда-то скифскому вождю:

- Я прибыл с севера.
- Из какой страны? – не отставал Фарзой.

Но Леха нутром чуял, что старик так просто от него не отвяжется, и решил больше не темнить, ответить честно. А там пусть этот мудрец, как хочет, так и думает.

Леха вынул из ножен акинак и начертил на разогретой костром земле карту. Черное море. Крым. Как смог. А потом изобразил море Балтийское, Кольский полуостров и северное побережье. Закончив, ткнул острием короткого меча туда, где должен был находиться Питер.

- Я отсюда. Из России. Русский я, короче, по паспорту.

Фарзой некоторое время смотрел на Лехины чертежи, но особого удивления не проявлял, словно только вчера вернулся из этих мест. Хотя русских, таких, как Леха, там не встречал.

– Откуда ты знаешь эти земли? – все же спросил Фарзой, указав на северные моря и то, что лежало между ними, – ни один скиф там не бывал.

- Плавал, – соврал Леха.
- Ты мореход? – уточнил Фарзой.

– Можно сказать и так, – туманно ответил Леха. – Корабли водить не умею, но плавал много, как боец. Правда, больше в здешних водах и в Средиземку заходил.

- Где корабль, на котором ты прибыл к нашим берегам? – не унимался советник.

– Карфагенские вояки утопили, – честно ответил Леха, бросив взгляд на Иллур, и воскресил в памяти картинку, как дефилировал перед тараном военного корабля, осыпая его команду матерными выражениями до тех пор, пока на его лодчонке не сломалась мачта.

- Он был большой? – продолжал допрос Фарзой, домучив, наконец, свой кубок с вином.

– Средний, – соврал Леха, решивший погрешить против истины для поднятия авторитета, брякнуть, что приплыл на триере, но в последний момент передумал. – Метательную машину на него не поставишь.

Фарзой прекратил свой допрос и надолго замолчал. А Леха с облегчением вздохнул, взявшись за новый кусок мяса, заботливо подложенный слугой на его блюдо. То же самое он сделал для остальных, заново наполнив чаши. Кругом уже стоял кромешный мрак, разгоняемый лишь светом горевшего костра, потрескивавшего сучьями. Изредка ржали вдалеке кони. Леха, слегка захмелев, откинулся на локоть и стал смотреть на звезды в небе, большие, яркие и очень близкие.

Пауза затягивалась, даже весельчак Иллур ел молча, словно чего-то ждал. Наконец, Фарзой поднял глаза и коротко кивнул скифскому вождю, который, казалось, обрадовался решению советника.

– Завтра на рассвете ты возьмешь две сотни всадников и отправишься в крайние пределы Ольвии¹⁶, – заговорил Иллур, – с тобой отправиться мой проводник, он укажет тебе место. Это на самой границе со Скифией, и греки не успеют перехватить твой отряд.

- Федор перестал жевать и обратился в слух. Запахло новым военным походом.

– Там на берегу чинит свои корабли небольшой греческий караван, всего три судна, – продолжал Иллур, – триера и две биремы. Охранников немного. Они не смогли дойти до Ольвии из-за шторма. Но времени мало, скоро они закончат свои работы, а мы должны успеть использовать этот шанс.

¹⁶ Ближайшая к Скифии крупная греческая колония в дельте Борисфена (Днепра), не считая Херсонеса и многочисленных городов Боспорского царства. Ольвия находилась недалеко от современного украинского города Николаев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.